

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 801.316.4:821.111(73)

Л. И. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Омский государственный
технический университет

РОЛЬ ТЕРМИНОВ В ЗАГОЛОВКАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается содержание нескольких художественных произведений английских и американских писателей во взаимосвязи с их названиями. Приводятся точки зрения других лингвистов на роль заголовков. Анализируются дефиниции терминов-заголовков и устанавливается их роль в раскрытии содержания произведений.

Ключевые слова: термин, содержание, дефиниция, контекст, заголовок, реализм.

Исследованию художественных произведений на различных языках (английском, немецком, французском, русском) посвящено довольно большое количество работ. Произведения рассматривались с различных точек зрения — исследовались речь автора, речь персонажей, композиционные, стилистические и грамматические особенности, а также когнитивные функции некоторых языковых структур. Изучению этих вопросов были посвящены работы таких лингвистов, как Галич Г. Г., Хованская З. И., Лукин В. А., Карасик В. И., Мазилова А. Ю., Кухаренко В. А., Брандес М. П., Карулов Ю. Н., Палий А. А. и других.

Задачей данной публикации является выявление роли заголовков в раскрытии идеи и содержания художественных произведений английских и американских писателей, использующих в большом объеме

научно-технические термины, которые также стали и названиями произведений. Заголовок считается сильной позицией любого текста и содержит в себе большую семантическую нагрузку [1, с. 92].

Рассмотрим содержание этих терминов, проанализировав их дефиниции.

Роман американского писателя Фрэнка Норриса называется «Спрут» — «Octopus» [2]. Дефиницией этого термина является «a sea-animal with soft body and eight long arms provided with suckers» [3, с. 861]. Этот биологический термин обозначает существо, которое своими щупальцами с присосками захватывает все живое вокруг себя. Вторым значением термина octopus является: «something that resembles an octopus esp. in having many centrally directed branches» [4, с. 805]. В романе Норриса этим термином в переносном смысле называется компания

Южно-Тихоокеанской железной дороги, которая, расширяя сферу своего влияния, захватывает земли фермеров, чтобы строить сеть железных дорог. Одним термином — названием романа — автор показывает трагизм ситуации, накал борьбы фермеров за свои права. Чтобы реалистично показать противостояние этих двух сторон, автор творчески использует соответствующую теме терминологию, а именно железнодорожные, сельскохозяйственные, экономические и юридические термины.

С помощью терминов, выражающих понятия указанных областей, автор романа реалистично описывает труд фермеров, где ключевыми терминами являются *wheat, crop, harvest*; планы захвата их земель и разорение хозяйств компаний, ключевыми терминами при этом являются *rate* (расценка), *cut rate* (снижать расценки), *cut hauling price* (снижать стоимость перевозки), *grading, fixing the prices* (установление, фиксация цен), *to be fired* (быть уволенным), *to quit* (уволиться), *case* (иск), *court* (суд), *the process of the law* (судебный процесс), *to lose the case* (проиграть дело), *lawyer* (адвокат), *attorney* (прокурор).

Кроме терминов указанных сфер деятельности Норрис использует медицинские (анатомические), зоологические, ботанические термины в описании схемы железных дорог компании, где наглядно проявляется связь с названием романа. Данный отрывок в полной мере отражает реализм и оценочность автора по отношению к описываемым событиям: «It was a commissioner's official railway map of the state of California. ... Upon it the different railways of the state were accurately plotted in various colours, blue, green, yellow. ... The whole map was grid-ironed by a vast complicated network of red lines marked P. and S.W.R.R. ... From Coals, in the topmost corner of the map, to Yuma in the lowest, from Reno on the side to San Francisco on the other, ran the plexus of red, a veritable system of blood circulation, complicated, dividing, and reuniting, branching, splitting, extending, throwing out feelers, off-shoots, tap rootes, feeders—diminutive little blood suckers that shot out from the main jugular and went twisting up into some remote country, ... involving it in one of a myriad branching coils, one of a hundred tentacles, drawing it ... toward that centre from which all this system sprang» [2, с. 273]. Как видно из описания, вся карта была испещрена красными линиями, обозначающими владения Тихоокеанской и Юго-Западной железной дороги, которая сравнивается с монстром, опутавшим весь штат, как щупальцами, что походило на сложную систему кровообращения (*system of blood circulation*). В данном отрывке преобладают зоологические и ботанические термины: *feeler* (зоол.) — щупальце; *off-shoot* (бот.) — росток, побег; *tap-root* (бот.) — стержневой корень; *sucker* (= *feeder*) (зоол.) — присосок; (бот.) — отросток, боковой побег.

Автор описывает схему железной дороги как «huge, sprawling organism, with its ruddy arteries converging to a central point. It was as through the state had been sucked white and colourless, and against this pallid background the red arteries of the monster stood out, swollen with life-blood, ... gorged to bursting; an excrescence, a gigantic parasite fattening upon the life-blood of an entire commonwealth» [2, с. 274].

Железная дорога, а также компания, владеющая ею, сравнивается с расплзающимся огромным организмом, щупальца которого похожи на красные, разбухшие от крови артерии, высосавшие до капли жизненные силы сообщества и представляющие

собой гигантский паразитический нарост на теле всего штата. Все это описание усиливается метафорическим и метонимическим значением термина анатомии *artery* — артерия.

Название романа английского писателя Арчибалда Кронина «Цитадель» («The Citadel») [5] включает в себе более широкий смысл, чем его раскрывает дефиниция военного термина: *citadel* — a fortress protecting a town; a place of refuge or safety [3, с. 175]. В романе Кронина цитаделью является небольшой шахтерский городок *Blanelly*, в котором, как в замкнутом пространстве, шахтеры заняты изнурительным трудом и им нет выхода из этого пространства, которое ограничивается рамками термина «citadel». Другим значением термина *citadel* является «stronghold» — оплот [4, с. 209]. Место, где происходит действие романа, является оплотом горнодобывающей компании.

В романе автор использует медицинские, экономические термины и термины горнодобывающей отрасли, с помощью которых реалистично описывает жизнь людей и работу врачей в «цитадели», поэтому в романе больше всего встречается медицинских терминов, обозначающих названия болезней — *cholera* (холера), *enteric* (брюшной тиф), *chronic arthritis* (хронический артрит — ревматизм), *anemia* (малокровие), *bronchitis* (бронхит), *chicken pox* (ветряная оспа); названия травм — *wound* (рана), *scald* (ожог), *sprain* (вывих), *cut* (порез), а также названия лекарств и способы лечения.

Описание отношений между управлением шахтами и рабочими и служащими не обходится без экономических терминов: *holding* (вклад), *obligation* (долг), *manager* (управляющий), *fee* (плата), *cheque* (чек), *expenses* (расходы), *to open a deposit account* (открыть депозитный счет), *to endorse the order* (подписать чек), *cashier* (кассир), *incentive* (стимул), *undermanager* (смотритель, помощник управляющего) и другие.

В эпизодах, описывающих труд шахтеров, используются термины горнодобывающей промышленности: *ore workings* (рудники), *heaps of slag* (кучи шлака), *foundry* (литейня), *mine* (шахта, рудник), *quarry* (каменоломня), *driller* (бурильщик), *hauler* (откатчик), *cage* (клеть), *to blast* (взрывать), *bed* (основание пласта) и другие.

В названии рассказа английского писателя Джеймса Олдриджа «Последний дюйм» «The Last Inch» [6] используется термин *метрологии* *inch*, который обозначает «a measure of length equal to the twelfth part of one foot» [3, с. 632], т.е. «a small amount, distance, of degree» [4, с. 587]. Длина, обозначаемая термином *inch* довольно мала, и в рассказе ассоциируется с шагом, который надо сделать, чтобы преодолеть себя и обстоятельства в трудной ситуации. Стимул сделать это возникает в рассказе неоднократно и выражается сочетанием «last inch». В самом начале рассказа автор передает мысли и чувства главного персонажа, летчика Бена, через несобственно-прямую речь, где он думает, какое настоящее удовольствие испытываешь, когда сажаешь самолет и когда колесо плавно преодолевает последний дюйм над землей: «At forty you were lucky if ... you could still feel that artistic pleasure of a beginner when you brought the plane down well ... and the smooth conquest of that last inch above the ground» [6, с. 5]. Важность последнего дюйма при посадке подчеркивается в рассказе и дальше, когда отец учит сына управлять самолетом — когда выравниваешь самолет и летишь низко над землей перед посадкой, то под тобой

должно быть шесть дюймов: «when you level off it's got to be six inches. Not one foot, or three feet. Six inches!» [6, с. 8]. И дальше Бен говорит, что если приземлиться со слишком большой высоты, то сядешь жестко и можно разбить самолет, а если со слишком малой — можно удариться о землю и перевернуться, поэтому именно последний дюйм — самый важный. Это передается с помощью стилистического приема эмфазы: «It's the last inch that's important» [6, с. 8]. Сочетания six inches и the last inch повторяются в рассказе неоднократно. «The last inch» символизирует спасение Бена, когда он, раненый, вышел из воды: «he rolled out the last inch in safety» [6, с. 13].

Та же самая функция сочетания the last inch проявляется в ситуации, когда мальчик ведет самолет и, в конечном итоге, сажает его: «... Ben knew that the last inch of it would be in the boy's hands»; «It was at the last inch from the ground that he lost his nerve at last»; «... and then he felt the touch-down on the tail and the wheels, the last inch of it» [6, с. 30].

Следует отметить, что слово last несет большую смысловую нагрузку не только в сочетании с термином inch, но и в сочетании с другими словами и терминами, подчеркивая огромную силу духа и тела Бена на пути преодоления жизненных неудач. Наглядным примером этого является отрывок: «There were always many last moments and last inches to life, and in the smashed body of a flyer there were last bones and last blood vessels that other men had never heard of. They were always there when the last one finished» [6, с. 30].

Кульминацией раскрытия семантики заголовка «The Last Inch» является ситуация, когда Дэви ценой уговоров, приказов отца и усилий над собой решается перешагнуть последний дюйм и сесть за штурвал самолета. Кроме того, через сочетание the last inch подводится итог всех описанных событий и раскрывается идея всего рассказа: «That last inch, which parted all things, was never easy to overcome, until you know how» [6, с. 32].

Во второй части рассказа «The Last Inch», которая называется «The Shark Cage» («Акуля клетка»), сочетание the last inch выполняет ту же функцию — выражение преодоления человеком, казалось бы, безвыходной ситуации — когда у Бена, зажатого в клетке под водой, заканчивается воздух в акваланге: «He had to suck it in from the bottom of his stomach muscles to get the last inch of air out of it» [6, с. 49].

Известный роман американского писателя Артура Хейли «Аэропорт» («Airport») [7] своим названием сразу говорит читателю о месте, где происходит описываемые события. Толковый словарь определяет авиационный термин airport следующим образом: «a large field where flying machines start and land, especially, one where they may get oil and petrol (gasoline), be repaired, etc., and where there is a custom-house» [3, с. 23]. К этому можно добавить, что airport is «a place... which... often serves as a terminal» [4, с. 26].

Содержание романа оправдывает свое название, так как в нем описывается работа всех служб аэропорта и события, связанные с перевозкой пассажиров. Например, с помощью специальных терминов связи описывается помещение радарной — рабочего места наземных диспетчеров: «Around them, tightly packed equipment — radarscopes, controls, radio communications panels — lined all four walls» [7, с. 73]. Также неоднократно говорится о напряженной работе всех служб аэропорта — центра управления полетами, обслуживания самолетов, бюро информа-

ции: «The talk between tower and aircraft was continuous, with no gaps between transmissions» [7, с. 41]; «From a flight data area, with great banks of computers, assorted electric gear and automatic teletypes, arose the continuous whir and chatter of machinery» [7, с. 129].

В романе много места отведено описанию работ по расчистке взлетных и рулежных дорожек от снега с использованием терминов дорожных машин — снегоочиститель, грейдер: «After the plows and snowblasts came the graders — five in line abreast, with plow blades down to clear any mounds the front plows missed» [7, с. 56].

Название другого романа Артура Хейли «Колеса» («Wheels») в наибольшей степени соответствует содержанию произведения [8]. Дефиницией этого термина является: «a round frame or disc which turns on an axis. Carts, carriages, etc. run on wheels. Wheels are used for numerous mechanical purposes and in machines» [3, с. 1470]. Жизнь всех людей, работающих в автомобильных компаниях и их заводах, неразрывно связана с автомобилем — проектированием, испытанием, изготовлением и продажей.

Название автомобиля, проектированию, испытанию и выпуску которого посвящен роман, вымышленное — «Орион» (Orion), но реалистичность описываемых событий подкрепляется названиями различных марок автомобилей, действительно выпускавшихся автомобильной промышленностью тех лет: амбассадор (Ambassadors), хорнет (Hornets), джейвелин (Javelins), греmlin (Gremlins) [8, с. 9].

Термин wheels включает в себя все содержание романа и отражает мысли и чувства персонажей. Это гениально выражено в словах автора о том, что карьера и репутация всех, кто связан с «Орионом», начиная с председателя совета директоров и до простого служащего, зависела от того, как будут крутиться колеса «Ориона»: «A gigantic amount of stockholders' money, plus the careers and reputations of all involved, from the chairman of the board downward, was riding on the Orion's wheels» [8, с. 76].

А колеса «Ориона» должны были крутиться быстро и не только в смысле скорости движения автомобиля, но и в смысле количества выпускаемых машин в минуту или в час. Например, с конвейеров заводов Крайслер-Додж и Плимут ежедневно сходило свыше ста «доджей» и «плимутов»: «The car production sources ... were Chrysler — the Dodge and Plymouth plants ..., where more than a hundred cars an hour began flowing off assembly lines at 6 A. M.» [8, с. 8].

О производительности автомобильных заводов в романе упоминается не раз. В этой связи интересен отрывок, описывающий рекламный счетчик выпуска автомобилей, который поминутно отмечал, сколько автомобилей выпущено на данный момент в масштабах всей страны. Как только на каком-нибудь заводе с конвейера сходила готовая машина, на счетчике появлялась новая цифра: «The nations output of automobiles for the day..., the tempo of production revealed in a monster Goodyear signboard... In figures five feet high, and reading like a giant odometer, the current year's car production was recorded minute by minute, with remarkable accuracy, through a nationwide reporting system. The total grew as completed cars came off assembly lines across the country» [8, с. 9].

Рассмотрим название романа, основанного не на технических, а на научных терминах, а именно — экономических. Это — роман американского писателя Теодора Драйзера «Финансист» («The Financier») [9]. Дефиницией этого экономического термина является: «a person who is skilled in finance or

concerned with finance». На протяжении всего романа речь идет о той персоне, которая постигла все премудрости банковского и биржевого дела, а также преуспела в посреднических операциях. Персоной этой является главный герой романа Фрэнк Адджернон Кауперфильд, художественное воплощение реально существующего лица, известного филаделфийского финансиста Йёркеса.

Название романа «Финансист» говорит о том, что читатель встретит определенное количество экономических терминов, а также познакомится с реальными финансовыми операциями: банковскими, биржевыми, аукционными. Описание всех этих операций сопровождается огромным количеством специальных терминов, например, exchange of bills — обмен бумага; discount — учет векселей; fluctuation in value — колебание курса; primary value — номинал; brokerage — маклерская контора; overdue note — просроченный вексель; exchange — биржа; transaction — сделка; resale — повторная сделка; to balance account — сводить баланс; auction — аукцион; to realize a profit — получать прибыль; lot — партия товара; disposing — распродажа; surplus — излишки; commission merchant — посредник; merchants' exchange — товарная биржа; auctioneer — аукционист; note — вексель и многие другие.

Вся деятельность главного персонажа романа соответствует дефиниции термина financier — 1) one who specializes in raising and expending public moneys; 2) one who deals with finance and investment on a large scale [4, с. 436].

Примечательным с точки зрения раскрытия темы произведения является название романа американского писателя Митчелла Вилсона «Жизнь во мгле», в оригинале «Live with lightning» [10]. Если перевести дословно, то название будет «Живи с молнией» или «Под током высокого напряжения». Такая трактовка этого названия подтверждается дефиницией термина физики lightning — «a flash of light caused by electricity passing between clouds or between a cloud and the ground» [3, с. 727]. Из названия романа можно заключить, что речь пойдет о науке и жизни ученых. Автор использует многочисленные специальные (общие и уникальные) термины при описании лаборатории, оборудования, экспериментов. Терминология начинает появляться в романе с самого начала: wave mechanics — волновая механика; apparatus — прибор; physics apparatus — физический прибор; thermodynamics — термодинамика; nuclear physics — ядерная физика; electric charge — электрический заряд; scattering — рассеивание; voltage — напряжение; focusing the beam — фокусирование пучка.

Терминологическая лексика, которая, как всегда считалось, присуща только научной или технической литературе, создает эмоциональную атмосферу творчества, а не просто сухо описывает работу ученых и их эксперименты в лаборатории. Роман «Жизнь во мгле» расширяет познания читателя в области политики и науки. Значительные по протяженности части текста, изобилующие научными терминами, не снижают интереса к роману, так как в описываемых ситуациях раскрываются характеры, мысли и судьбы героев.

Название еще одного романа, который мы рассматриваем в данной статье, представляет наибольший интерес в раскрытии содержания, это роман американского писателя Эптона Синклера «Автомобильный король» [11]. В оригинале роман называется «The Flivver King». Слово flivver имеет в толковом словаре стилистическую помету «slang» и обозна-

чает «a cheap motor-car» [3, с. 472], в результате чего заголовок можно трактовать как «Король дешевых автомобилей». Роман посвящен жизнедеятельности человека, стоящего у истоков автомобилестроения — Генри Форда. В романе описывается начало изобретения автомобиля, его усовершенствование, условия изготовления. Описываются этапы постепенного улучшения приемов сборки — сортировка деталей в соответствии с узлами автомобиля, насадка колес, изготовление более легкой и прочной стали для кузовов. Но главной интригой романа стало подведение всех начинаний Генри Форда к изобретению сборочного конвейера. Конвейер уменьшал время сборки одного автомобиля и тем самым увеличивал количество производимых машин в день, тем самым повышая прибыль владельца предприятия, т.е. Форда. Конвейер, скорость движения которого постоянно увеличивалась, делал труд рабочих монотонным, превращал их в роботов, ухудшая здоровье и материальное положение. Автор романа периодически отмечает отрицательные стороны предприятия Форда, тем самым выражая свое отношение к нему. Поэтому в данном случае заголовок романа можно истолковать по-другому. В смысловую структуру слова flivver Словарь Мюллера кроме значения «дешевый автомобиль» включает еще два: «что-либо маленькое, дешевое, незначительное» и «провал, неудача» [12, с. 301]. Исходя из этого, можно предположить, что Синклер вложил свое отрицательное отношение к Генри Форду в заглавие своего романа.

Название другого романа Эптона Синклера «Король-уголь» («King-coal») также представляет интерес с точки зрения раскрытия содержания этого произведения [13]. Исходя из названия, можно предположить, что уголь и его добыча является главной темой романа. Приведем дефиницию термина «coal»: «a hard, black mineral which burns and supplies heat and from which gas is made» [3, с. 187], а также слова «king»: 1) «a man who is the supreme ruler of a nation or state»; 2) «a person of great power, importance, wealth or social position» [3, с. 689].

Рассмотрев обе дефиниции слова «king», которые определяют некоторое лицо, человека, можно предположить, что речь идет о могущественном, богатом человеке, владеющем угольными шахтами. С другой стороны, если применить вторую дефиницию как метафорический перенос к термину «coal», то название романа можно трактовать так, что уголь является «королем» и управляет всем вокруг. Наше предположение подтверждается следующим отрывком из романа: ... по залитому солнцем каньону сновали длинные железнодорожные составы с углем; этот уголь развозили во все концы земного шара...; благодаря этому углю вращались колеса промышленности... Уголь будет ткать дорогие шелка для прелестных женщин, будет шлифовать драгоценные камни для их украшений» — «Outside in the sunshine-flooded canyon, long lines of cars rolled down with their freight of soft-coal; coal which would go to the ends of the earth, to places the miner never heard of, turning the wheels of industry whose products the miner would never see. It would make precious silks for fine ladies, it would cut precious jewels for their adornment» [13, Book I, ch. 6].

В романе есть и реальный король угля, владелец шахт — Харриган, но он нужен автору романа только как олицетворение частной собственности, хотя и изображен нимоощным, но жестоким стариком. Нечетко выписанный образ является лишь слабой тенью на фоне бурных событий и ярких образов в романе.

Наша трактовка названия романа «Король-уголь» как царства угля предполагает описание способов его добычи, социального положения рабочих и их борьбы за свои права.

Не менее показательным является название еще одного романа Эптона Синклера — «Нефть» («Oil») [14]. Дефиницией нефтехимического термина oil является: any of numerous unctuous combustible substances that are liquid or can be liquefied easily on warming, are soluble in ether but not in water, and leave a greasy stain on paper or cloth [4, с. 808].

Название романа «Oil» сразу вызывает ассоциацию с добычей нефти. И действительно, в романе описывается жизнедеятельность крупного нефтепромышленника Дж. Арнольда Росса, владеющего несколькими нефтяными скважинами, заводами, изготавливающими смазочное масло и газолин, и собирающегося расширить свои владения, готовя своего тринадцатилетнего сына продолжать его дело.

Следует отметить, что семантика слова greasy в дефиниции термина oil совпадает с семантикой термина grease — консистентная смазка, которая изготавливалась на заводах Росса. В значениях этих двух слов явно видна метафорическая связь и сочетание в дефиниции a greasy stain олицетворяет неблагоприятную деятельность нефтепромышленника.

Ознакомившись с рядом работ по теме «Заголовок», мы не вполне согласны с мнением Лукина о том, что «заголовок может быть расценен как внутренняя интерпретация только после прочтения текста» [1, с. 309].

При этом, давая одно из определений специфического свойства заглавия, он пишет: «...оно изначально задумывается автором как намек на соответствующее истолкование текста» [1, с. 309]. Из собственного опыта можно сказать, что в некоторых случаях имя автора является «паролем» к раскрытию содержания. Таким «паролем» является имя Эптона Синклера по отношению к названиям его романов «Автомобильный король», «Король-уголь», «Нефть». Иногда заголовок, как точно отмечено Лукиным, не представлен «материально» [1, с. 99], т.е. реально, словом или сочетанием, тогда он может заменяться чем-то другим — цифрами (в материале нашего исследования — роман Эптона Синклера «100 %») или другими не языковыми знаками, а также именами собственными (как романы Чарльза Диккенса «Мартин Чезвигт», «Домби и сын», «Давид Копперфильд»). В результате анализа и описания соотношенности заголовков и содержания художественных произведений можно сказать, что мы разделяем точку зрения известного лингвиста С. Кржижановского о том, что заголовок является семантической сверткой всего текста (цит. по кн. Лукина) [1, с. 92].

Со словообразовательной точки зрения проанализированные заголовки можно разделить на следующие группы: заголовок, состоящий из одного слова:

«The Octopus», «The Citadel», «Airport», «Wheels», «The Financier», «Oil»; сложного слова: «King-Coal»; словосочетания «The Flivver King», «The Last Inch», «The Shark Cage»; развернутого словосочетания с предлогом: «Live with Lightning».

Поскольку все названия этих романов раскрывают определенное содержание и передают его в сжатом виде получателю, то заголовок можно считать контекстом. В отличие от типов контекстов, предложенных Н. Н. Амосовой, заголовок можно назвать усеченным или свернутым контекстом.

Библиографический список

1. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории : анализ. минимум / В. А. Лукин. — М. : Ось-89, 2005. — 559 с.
2. Norris, Fr. The Octopus. M.: Foreign Languages Publishing House, 1962. — 646 p.
3. The Advanced Learner's Dictionary of Current English / by Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. London: Oxford University Press, 1958. — 1527 p.
4. Merriam Webster's Collegiate Dictionary. Tenth edition. Merriam-Webster, Incorporated Springfield, Massachusetts, USA, 1995. — 1557 p.
5. Cronin, Archibald. The Citadel. M: Foreign Languages Publishing House, 1963. — 475 p.
6. Aldridge, J. The last Inch / J. Aldridge. — М. : Высшая школа, 1972. — 88 p.
7. Hailey, A. Airport. N.-Y.: Garden City, Doubleday, 1968. — 440 p.
8. Hailey, A. Wheels. N.-Y.: Garden City, Doubleday, 1971. — 501 p.
9. Dreiser, Th. The Financier. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http // www.gutenberg.org/ebooks/1840](http://www.gutenberg.org/ebooks/1840) (дата обращения: 08.07.2012).
10. Wilson, Mitchell. Live with Lightning / Mitchell Wilson. — М. : Foreign Languages Publishing House, 1957. — 622 p.
11. Sinclair, Up. The Flivver King. London: Laurie, 1938. — 236 p.
12. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. — М. : Советская энциклопедия, 1965. — 912 с.
13. Sinclair, Up. King-Coal. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http // www.gutenberg.org/cache/epub/7522/pg7522.html](http://www.gutenberg.org/cache/epub/7522/pg7522.html) (дата обращения: 08.07.2012).
14. Sinclair, Up. Oil. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http // www.knigosite.ru/library/books/41104](http://www.knigosite.ru/library/books/41104) (дата обращения: 08.07.2012).

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Любовь Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Иностранные языки».

Адрес для переписки: in.jaz_omgtu@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.07.2012 г.

© Л. И. Воскресенская

Книжная полка

Воскресенская, Л. И. Смысловая структура английских научно-технических терминов : моногр. / Л. И. Воскресенская ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2012. — 90 с.

В монографии исследуются многозначные термины различных областей науки и техники. Выделяются четыре функциональные группы терминов: уникальные, общие, универсальные и привлеченные. Рассматриваются лексико-семантические группы терминов. Определяется связь различных лексико-семантических вариантов в структуре многозначных терминов на основе компонентного анализа словарных дефиниций. Предназначена для аспирантов в области филологии, терминоведов и преподавателей иностранных языков.

ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Статья посвящена выявлению лингвистических характеристик терминосистемы когнитивной лингвистики (КЛ). Осуществляется логико-понятийный анализ, необходимый для лексикографического описания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, логико-понятийный анализ, терминосистема, лингвистические характеристики.

Обобщая результаты лексикографического анализа терминологических словарей, В. Д. Табанакова утверждает семь принципов необходимости и важности логико-понятийного анализа, а именно:

— предварительный логико-понятийный анализ терминологии не только наполняет словарную дефиницию содержанием, но также обеспечивает ее полноту и точность;

— логико-понятийный анализ обуславливает выбор вида дефиниции и наиболее эффективную их комбинацию;

— логико-понятийный анализ позволяет использовать иллюстрацию как средство семантизации;

— логико-понятийный анализ наполняет словарную отсылку содержанием и делает ее очень сильным средством семантизации термина, способным отразить и раскрыть системность термина;

— именно логико-понятийный анализ структурирует словарную статью и по форме, и по содержанию и определяет ее семантическую наполняемость;

— логико-понятийный анализ обуславливает наиболее эффективную комбинацию средств семантизации термина и, следовательно, дает возможность унифицировать словарную статью;

— и, наконец, глубина логико-понятийного анализа определяет силу метаязыка словаря [1, с. 142].

Терминосистема когнитивной лингвистики (КЛ) в нашем исследовании наряду с русскоязычными источниками включает в себя англоязычные термины и в этой связи «именно логико-понятийный анализ обеспечивает правильный выбор иноязычного термина-эквивалента» [1, с. 252].

Проведем логико-понятийный анализ терминосистемы КЛ, который основывается на универсальных структурных свойствах любой системы. Описать систему, по мнению В. Д. Табанаковой, значит описать ее элементарные единицы; классы элементарных единиц; законы сочетаемости элементов [1, с. 152].

Материалом для исследования послужили термины, относящиеся к предметной области «Когнитивная лингвистика», извлеченные из научных работ ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области когнитивной лингвистики: А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, А. В. Кравченко, Н. А. Красавского, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, З. Д. Поповой, Р. И. Павлениса, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, G. Lakoff, Ronald W. Langacker, John A. Taylor, G. Fauconnier.

Представительной группой является группа терминов, характерных для лингвистики в целом. Обще-

научные лингвистические термины в лингвистическом дискурсе выражают интегральные понятия, применяющиеся в различных областях знания. Это многочисленная группа: *метод, функция (function), анализ, задача, явление, объект, эксперимент, процесс, система, класс* и другие. Термины этой группы локализуются, главным образом, там, где речь идет об общей характеристике той или иной теории или концепции, произведенной собственно ее автором. Кроме того, общенаучные термины нередко встречаются при определении понятий, т. е. в дефинициях и определениях.

Имеется группа межотраслевых терминов, содержащих общий для разных сфер семантический контекст, конкретизируемый на основе определённого структурного признака, свойственного термину данной отрасли. Примерами являются *семиологическая функция (semiological function), лексическое значение (lexical meaning), речевые акты (speech acts), эмоциональная языковая картина мира, фонологическая структура (phonological structure)* и др.

Выделяется также группа узкоспециальных лингвистических терминов, выражающих специфические понятия, характерные только лишь данной области знания. Это такие термины, как *когнитивная семантика (cognitive semantics), когнитивная грамматика (cognitive grammar), контаминация (blending), образная схема (image scheme)* и др.

К группе исторических характеристик терминологии относят возраст, происхождение, модель образования. С учетом возраста, принято различать терминологию, появившиеся до XIX века и с конца XIX века [2, с. 29]. Термины предметной области КЛ в основном возможно отнести к разряду в некоторой степени новой лексики, поскольку становление ее приходится на 70-е годы XX столетия.

Исходя из эволютивной категории, терминология КЛ характеризуется различными способами образования. Так, выделяется группа терминов, заимствованных из других языков: «Слово *conceptus* — позднелатинское, средневековое образование (ecclesiastique), производное (причастие) от глагола *conscipere* — *con-scipere* «со-бирать», «схватывать», «загораться», «задумывать», «зачинать». В классической латыни *conceptus* зафиксирован лишь в значениях «водоем», «воспламенение», «зачатие» и «плод (зародыш)» [3, с. 195].

«Символ. Заимств. в начале XVIII в. из греч. яз., где *symbolon* «знак, примета» — от *symballein* «встречаться». Символ исходно — «знак, метка» (удостоверяющие личность при деловой встрече)» [4].

«Грамматика. Заимств. в XVII в. из лат. яз., где *grammatica* < греч. *grammatikhē*, суф. производного от *grammata* “буквы” (ед. ч. *gramma* — производное от *graphō* “пишу”)» [4].

«Метафора. Заимств. в XVIII в. из франц. яз., где *metaphora* — производное от *metapherō* “переносу”» [4].

«Метонимия. Заимств. в XVIII в. из нем. яз., где *Metonymie* < лат. *methōnymia*, передающего греч. *metonymia* (*meta* “пере”, *onyma* “имя”, родственное *имя*)» [4].

Терминология КЛ включает в себя термины, заимствованные из других терминосистем. Так, например, из психологии были заимствованы такие термины, как *фрейм*, *гештальт*, *прототип*; из психолингвистики — *языковое сознание*; из физики — *слияние*, *синтез* (*fusion*); из математики — *сочетание* (*combination*), *отображение* (*mapping*); из информатики — *вход* (*input*); из электроники — *индукцирование* (*induction*); из программирования — *симплексный* (*simplex*); из химии — *пространственная решетка* (*lattice*); из теории графов — *паросочетание* (*matching*); из литературы — *контаминация* (*blending*).

Рассмотрим структурные параметры. В настоящее время терминология КЛ содержит около **434** терминологических единиц. Соотношение однословных и сверхсловных единиц в изучаемой терминосистеме характеризуется как типичное. Преобладают двухсловные термины — **203 (47 %)**, из которых 50 образованы по модели N + N (*структура концепта*), 152 — по модели A + N (*минимальные концепты* (*minimal concepts*)), 1 — по модели N of N (*принцип интеграции* (*the principal of integration*)). Второе место по распространенности занимают однословные термины — **88 (20,2 %)**, из которых простых слов — 71 (*контекст* (*context*)); производных — 14 (*истолковывающий* (*construal*)); сложных (т. е. образованных сложением двух основ) — 3 (*лингвокультурный*). Трехсловные термины представлены **84 (19,3 %)** терминологическими единицами (концепты межгосударственных объединений); четырехсловные — **31 (7,1 %)** (*высоко схематичные конфигурационные концепты* (*highly schematic configurational concepts*)); пятисловные — **13 (3%)** (*концепты внутренней и международной общественной жизни*); шестисловные — **8 (1,8 %)** (*концепты политических деятелей и соответствующих им политических убеждений*); семисловные — **3 (0,7 %)** (*концепты политических партий, движений, течений и их представителей*); восьмисловные — **3 (0,7 %)** (*концепты систем филологических идей, взглядов, учений и их представите-*

лей); десятисловные — **1 (0,2 %)** (*концепты систем религиозных идей, взглядов, учений и тех, кто их проповедует*).

Основными способами терминообразования, типичными для исследуемой терминологии как в русском, так и в английском языках, являются морфологический, в частности, суффиксальный способ. В качестве словообразовательных средств прилагательных выступают продуктивные в английском языке суффиксы *-al*, *-ing*, *-ic*, *-ive*; существительных — суффиксы *-tion*, *-ity*. Синтаксический — (*когнитивная грамматика* (*Cognitive grammar*)). Встречаются случаи морфологосинтаксической модели (*LCCM Theory*).

Системность терминологии представлена в виде гнездовой структуризации. Дело в том, что одним из наиболее распространенных способов «реализации лингвистической связанности является морфологический способ образования производных терминов на базе исходных корневых слов и синтаксический, при котором у базисного компонента появляется признаковый компонент или признаковый компонент термина приобретает статус базисного компонента производной номинации. В результате применения этих способов терминообразования появляются характерные признаки терминосистем: наличие терминологических гнезд [5]. Кроме того, необходимо учитывать, что структура каждой терминосистемы отражает характер взаимосвязи составляющих ее терминов, определяющий специфику взаимоотношений наименований понятий на различных уровнях.

Необходимо отметить, что терминологическое гнездо включает и словообразовательное гнездо данного термина, и образованные от него словосочетания. В пределах анализируемой терминосистемы выделено **7 (1,6 %)** от общего количества терминов) гнездообразующих терминов-доминант, вокруг которых группируется **90** терминов (**21 %** всего терминологического массива). Число терминов, образующих гнездо, неодинаково. Оно колеблется от 2 до 44 в зависимости от значимости гнездообразующего термина для предметной области КЛ. Гнездообразующие термины номинируют в первую очередь такие понятия, как *концепт*, *дискурс* (*discourse*), *метафора* (табл. 1).

В терминологии предметной области КЛ встречаются равнозначные термины, которые мы, вслед за С. В. Гриневым, определяем как «термины с одинаковым или подобным значением, используемые для названия одного понятия» [6, с. 109]. Причем равнозначные термины можно разделить на термины-синонимы — термины одного языка с тождественным

Таблица 1

Гнездообразующие термины КЛ

Гнездообразующий термин	Мощность терминологического гнезда
1. Концепт	63
2. Универсальные категории культуры	21
3. Антропоморфные социальные признаки	6
4. Дискурс (discourse)	5
5. Метафора	7
6. Базовые признаки	4
7. Схематические системы (schematic systems)	4
8. Теория (theory)	4
9. Метафора (metaphor)	3

или подобным значением, эквиваленты — разноязычные термины с тождественным или подобным значением, абсолютные синонимы — синонимы с тождественным значением и условные синонимы — синонимы с подобным значением. В свою очередь, абсолютные синонимы подразделяются на варианты — абсолютные синонимы, полученные вариацией формы термина, и дублиеты — абсолютные синонимы с различной формой. Имеются дублиеты: *первичные концепты* — *основные концепты*; *ведущие концепты* — *ключевые концепты*; *теоморфный код культуры* — *божественный код культуры*. Кроме того, речь может идти о внутриотраслевой полисемии (термин С. Л. Мишлановой). Сюда можно отнести термин «концепт», который в разных трактовках содержит разные признаки как в плане значения, так и по количеству самих признаков.

Таким образом, рассмотренные нами лингвистические характеристики терминосистемы КЛ, позволили составить представление о времени ее возникновения, структуре, основных способах и средствах номинации важнейших понятий, взаимоотношениях с другими терминосистемами, семантических особенностях, а также прийти к выводу о том, что анализируемая терминосистема является сложным образованием и находится в процессе формирования. Проведенный нами логико-понятийный анализ выявил такие типы отношений между лексикографическими понятиями, как: 1) родовые; 2) видовые; 3) однородные; 4) синонимические; 5) антонимические; 6) часть/целое. На этом основании возможно построение лингвистических словарей различных

типов, которые являются насущной необходимостью для научных и учебных целей.

Библиографический список

1. Табанакова, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях : дис. ... д-ра филол. наук / В. Д. Табанакова. — Тюмень, 2001. — 281 с.
2. Барсукова, Е. А. Научный термин в общем и терминологическом толковых словарях русского и английского языков: на материале медицинской и компьютерной терминологии : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Барсукова. — М., 2004. — 160 с.
3. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий ; сост. И. Х. Дворецкий, Д. Н. Корольков. — М. : Гос. изд. иностр. и национ. словарей, 1949. — 950 с.
4. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — 7-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2004. — 398 с.
5. Ивина, Л. В. Номинативно-когнитивное исследование англоязычной терминосистемы венчурного финансирования : дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Ивина. — М., 2001. — 218 с.
6. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — М. : Московский Лицей, 1993. — 309 с.

ПОПОВА Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры иностранных языков второй специальности.
Адрес для переписки: la-09@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2012 г.

© Л. В. Попова

УДК 81'23:159.955

Н. А. СЕДОВА

Омский государственный
институт сервиса

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ И ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ФРЕЙМА ЧАСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ)

В статье рассматривается понятие фрейма как когнитивной единицы, представлена смоделированная на материале словарных дефиниций структура фрейма ЧАСТЬ. Обязательные и факультативные компоненты фрейма отражают представления человека о части.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фрейм, обязательные и факультативные компоненты, часть, целое.

Познавая окружающий мир, накапливая когнитивный опыт, человек упорядочивает полученную информацию и преобразует её в систему знаний о мире. Эта система представлена разными по уровню сложности, абстрактности и способу формирования единицами знания: концептами, категориями, моделями и др. Одной из таких когнитивных единиц является фрейм.

По определению создателя теории фреймов М. Минского, фрейм — это «структура данных для представления стереотипной ситуации» [1, с. 7]. Он же впервые описал и структуру фрейма: «Фрейм можно представлять себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними. «Верхние уровни» фрей-

ма чётко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин — *терминалов* или «ячеек», которые должны быть заполнены *характерными примерами или данными*» [1, с. 7].

Изучению природы фрейма посвящены работы современных отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Н. Н. Болдырев (2001), Т. А. Ван Дейк (1989), И. М. Кобозева (2000), Е. С. Кубрякова (1991), М. В. Никитин (2003), З. Д. Попова и И. А. Стернин (2001), З. А. Харитончик (1992). Рассмотрим несколько определенных фрейма для того, чтобы выявить его сущность.

Основоположник фреймовой семантики Ч. Филмор называет фреймы «особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта» [2, с. 54].

«Краткий словарь когнитивных терминов» предлагает несколько определений фрейма, одно из них следующее: «Фрейм является ... организацией представлений, хранимых в памяти (человека и / или компьютера) ... Фрейм — структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти» [3, с. 187].

По мнению Н. Н. Болдырева, «фрейм — это всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определённые компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определённой, часто повторяющейся ситуации» [4, с. 61].

З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют фрейм как «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторую совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [5, с. 73].

Анализ определений фрейма позволяет выделить его сущностные характеристики:

- 1) фрейм — это когнитивная единица, совокупность разного рода знаний о предмете или явлении;
- 2) фрейм имеет многомерную структуру в виде чётко организованной целостности и составляющих её компонентов;
- 3) фрейм представляет стереотипную, часто повторяющуюся ситуацию в схематичном виде, отражая те элементы ситуации, которые «всегда справедливы» для неё, то есть обязательны, а также те, которые её дополняют и конкретизируют, то есть не являются обязательными.

Одним из основных положений когнитивной лингвистики является признание того, что «языковая форма в конечном счёте является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [6, с. 126]. Поскольку языковая система вообще и языковая единица в частности являются способом хранения информации о мире, метод фреймовой семантики может быть интересен для исследования взаимодействия семантико-языкового и знаниево-мыслительного пространства с целью выявления принципов и способов отражения определённой части человеческого опыта и структурирования знаний о нём.

В современной лингвистике фреймовые исследования являются актуальными и востребованными. Моделирование фрейма и описание его компонентов проводится, как правило, на материале двух языков и имеет этнолингвистическую и лингвокультурологическую природу. К настоящему времени смоделирована и описана структура фреймов «свадьба» (А. С. Бабичева, 2007), «приобретение» (И. В. Бекетова, 2002), «намеренное создание объектов действительности» (М. С. Белозёрова, 2008), «деструктивное действие» (О. В. Валько, 2005), «потребление пищи и жидкости» (Т. Д. Дьяченко, 2004), «разрушение» (О. В. Кашкарова, 2006), «социальная деятельность по достижению цели» (В. А. Кузьмичёва, 2006), «вкуса» (О. В. Макарова, 2007), «прикосновение» (О. В. Федотова, 2007).

Очевидна ещё одна тенденция современных фреймовых исследований: анализу подвергаются фреймы, отражающие знания о мире событийного, динамического характера, которые, в классификации Н. Н. Болдырева, названы ситуационными [4, с. 64]. Нами будет предпринята попытка репрезентации

структуры фрейма *ЧАСТЬ* на материале словарных дефиниций толкового словаря русского языка [7], который является классификационным и характеризуется высокой степенью статичности и абстрактности. Он отражает процесс языковой категоризации и позволяет относить ту или иную языковую единицу к определённому языковому классу или ряду. Природа такого фрейма связана с классифицирующей функцией сознания, которое находит отражение в языке [4, с. 65].

Категория «часть» является одним из элементов отношения по типу «часть — целое», которое считается универсальным, так как характеризует и пронизывает все формы бытия. С точки зрения онтологии, категории «часть» и «целое» определяются посредством друг друга: «часть — это элемент некоторого целого; целое — то, что состоит из частей» [8, с. 343]. Говоря «целое», мы мысленно уточняем: целое чего? — и отвечаем: целое частей. Говоря «часть», пытаемся представить, чему принадлежат эти части, каково это целое. Части и целое не существуют друг без друга.

Словари вообще и толковый словарь в частности традиционно являются необходимой эмпирической базой лингвистических исследований с точки зрения системного подхода. Вместе с тем смена научной парадигмы в лингвистике создаёт новую концепцию прочтения словаря и позволяет рассматривать последний как способ хранения накопленных и обработанных человеком знаний об окружающем мире.

В качестве языкового материала исследования выступают лексемы, отобранные методом сплошной выборки из толкового словаря русского языка, в значении которых посредством применения элементов компонентного анализа выявляется непосредственно или опосредованно присутствующий семантический признак 'часть'. Сема 'часть' вербализуется одной именной лексемой, а также её лексико-семантическими эквивалентами, отмеченными, например, словарём синонимов: *составная часть, звено, элемент, компонент, ингредиент, отрезок* [9, с. 548]. Лексему «часть» мы рассматриваем как инвариантную для данной совокупности слов, так как именно она даёт представление о части в наиболее обобщённом, простом и объективном виде. Вместе с тем данная лексема в русском языке характеризуется многозначностью, в толковом словаре отмечены следующие значения, актуализирующие отношение «часть — целое»:

— доля целого (*Часть долга*); участок какой-либо поверхности, площади, кусок чего-либо (*Подводная часть корабля*); определённое число из состава чего-либо (какой-либо группы, объединения, коллектива, совокупности лиц) (*Часть присутствующих*);

— пай, доля, принадлежащая кому-либо (*Отказаться от своей части*);

— предмет, являющийся составным элементом какого-либо единого целого, системы (организма, механизма и т. п.) (*Части тела*); элемент какого-либо явления, понятия (*Вежливость — часть культуры человека*);

— композиционный отрезок, раздел литературного, музыкального и т. п. произведения (*Роман в семи частях*); сторона, раздел какого-либо явления, понятия, характеризующие его в каком-либо отношении (*Критическая часть статьи*);

— отдел какого-либо учреждения; отдельная часть управления (*Учебная часть*);

— отдельная войсковая единица (*Авиационная часть*) [7, с. 1468].

Определим необходимый понятийный аппарат и рабочую терминологию. Структура фрейма — это совокупность всех компонентов, отражающих данную область знания. Компоненты структуры фрейма — это единицы структуры, несущие информацию об участках данной области знания. Обязательные компоненты — это компоненты, дающие представление об обязательных участках данной области знания, без которых она не может существовать (по определению М. Минского, «которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации»). Факультативные компоненты — это компоненты, передающие информацию о необязательных (факультативных) участках области знания, без которых она может существовать. Субфрейм — это участок фрейма, несущий информацию как об общих участках, так и о дифференциальных участках области знания.

По нашим наблюдениям, во всех без исключения словарных дефинициях, объективирующих представление о части, указание на часть не существует отдельно от целого, что соответствует онтологической природе отношения по типу «часть — целое»: части и целое не существуют друг без друга. Данное наблюдение даёт нам основание выделить в структуре фрейма ЧАСТЬ два субфрейма: 'часть' и 'целое'. Итак, фрейм ЧАСТЬ — это когнитивная единица, несущая информацию об одноимённой области знания и состоящая из двух субфреймов 'часть' и 'целое', каждый из которых имеет свою структуру.

Структура субфрейма 'часть' представлена обязательными и факультативными компонентами.

Обязательным для субфрейма 'часть' является **компонент**, несущий представление о **части**. Можно выделить следующие виды его лексических репрезентантов, которые характеризуются разной степенью (по шкале непосредственности / опосредованности) присутствия семантического признака 'часть' в значении слова:

1) инвариантная лексема *часть*: ареал — «часть земной или водной поверхности...»; балык — «копчёная или вяленая хребтовая часть осетровых и крупных лососевых рыб»;

2) лексико-семантические эквиваленты инвариантной лексемы «часть» (лексемы этой группы являются синонимами инвариантной лексемы или отстоят от неё на расстоянии одного шага в родо-видовой цепочке): *выступ, деталь, звено, ингредиент, компонент, кусок, область, орган, остаток, отдел, отрезок, отрезок, подразделение, пояс, принадлежность, сторона, участок, частица, член, элемент*, например: альпинарий — «участок сада или парка...» (участок ← часть); Арктика — «северная полярная область земного шара» (область ← часть);

3) лексемы, в значении которых семантический признак 'часть' присутствует имплицитно и указание на него осуществляется опосредованно, через ссылку на один из лексико-семантических эквивалентов инвариантной лексемы «часть» (лексемы этой группы отстоят от инвариантной лексемы на расстоянии двух и более шагов в родо-видовой цепочке): *дно, зона, крупинка, направление, обмылок, обрывок, отрасль, раздел, течение, эпизод*, например: обмылок — «остаток находящегося в употреблении куса мыла» (обмылок ← остаток ← часть); эпизод — «одно из звеньев какого-либо явления, процесса и т. п.» (эпизод ← звено ← часть);

4) глаголы со значением 'включения' и их формы: *заключать* — «иметь в своём составе, содержать», *содержать* — «иметь, заключать в себе», *состоять* — «быть составленным из кого-, чего-либо, иметь в сво-

ём составе кого-, что-либо», *включить* — «ввести, внести в состав, в число кого-, чего-либо», *войти* — «включиться в состав чего-либо; стать членом, участником какого-либо предприятия, дела, вступить (в долю, в пай и т. п.)», например: акваланг — «аппарат, состоящий из баллонов со сжатым воздухом»; аргон — «химический элемент, инертный газ без цвета и запаха, входящий в состав воздуха»;

5) сочетание именных частей речи с предлогами: — сочетание числительного *один* с предлогом *из* — «*один из ...*», где предлог *из* «обозначает выделение части целого, вычленение из целого» [7, с. 376], например: — «*один из наиболее ценных сортов хрусталия*»; косинус — «*одна из тригонометрических функций ...*»;

— сочетание существительного с предлогом *с* — *кто (что) с кем (чем)*, где предлог *с* «указывает на наличие чего-либо в чём-либо, у кого-либо» [7, с. 1139], например: батник — «приталенная рубашка или кофта с отложным воротником и застёжкой на планке ...»; кабардинка — «кафтан с газырями на груди ...»;

— сочетание существительного с предлогом *в* — *кто (что) в ком (чём)*, где предлог *в* «указывает на место, пространство,местилище, среду, сферу деятельности и т. п., в пределах или внутри которых находится кто-, что-либо, происходит что-либо» [7, с. 108], например: балясина — «столбик в ограждении крыльца, балкона и т. п.».

К **факультативным компонентам** субфрейма 'часть', конкретизирующим представление о **части** и характеризующимся повышенной и регулярной встречаемостью в дефинициях, отнесём следующие:

1) место (место, которое часть занимает в составе целого): антрекот — «*межрёберная часть говядины ...*»; заплечье — «часть спины у плеч»;

2) референтная область (отнесённость части к объекту действительности): абиссаль — «зона наибольших морских глубин ...»; ламбрекен — «верхняя часть оконной или дверной драпировки, часто с фестонами или украшениями»;

3) способ (способ образования части): ломоть — «*отрезанный ножом плоский кусок хлеба*»; запашка — «участок вспаханной земли»;

4) вещество / материал (вещество или материал, из которого сделана часть): айсберг — «плавающая ледяная гора, отколовшаяся от прибрежного ледника или ледового барьера»; обмылок — «остаток находящегося в употреблении куса мыла»;

5) количество (количество частей в составе целого): запад — «*одна из четырёх сторон света ...*»; месяц — «единица исчисления времени, равная примерно одной двенадцатой части года ...»;

6) назначение (функция, выполняемая частью): анкер — «2. Деталь для скрепления частей сооружений и машин»; черешок — «узкая часть листа, соединяющая его со стеблем»;

7) порядок (порядок следования части в составе целого): аминь — «в христианстве: истинно, верно (употребляется в качестве заключительного слова молитв, проповедей и т. п.)»; февраль — «второй месяц календарного года; последний месяц зимы»;

8) отсутствие (отсутствие какой-либо части в составе целого, изъятие части из состава целого): ампутация — «хирургическая операция, состоящая в полном или частичном отсечении, отнятии какого-либо органа, конечности»; безногий — «не имеющий ноги (ног)»;

9) деструкция (нарушение нормального функционирования части в составе целого): авария —

Структура фрейма ЧАСТЬ

Компоненты	Субфрейм 'часть'	Субфрейм 'целое'
Обязательные компоненты	'часть'	'целое'
Факультативные компоненты	Место Референтная область Способ Вещество / материал Количество Назначение Порядок Отсутствие Деструкция	Референтная область Назначение Признак

«повреждение, выход из строя какого-либо механизма ...».

Перечень выделенных факультативных компонентов не является конечным.

Структура субфрейма 'целое' также представлена обязательным и факультативными компонентами.

Обязательный компонент субфрейма 'целое', а именно **'целое'**, в толковании словарных значений объективируется существительными в разных падежных формах (в форме именительного, родительного, винительного, предложного падежа), например: днище — «дно *бочки* или плоскодонного *судна*»; клетчатка — «вещество, из которого состоят *оболочки* растительных клеток».

К **факультативным компонентам**, конкретизирующим представление о **целом** и характеризующимся повышенной и регулярной встречаемостью в дефинициях, отнесём следующие:

1) референтная область (отнесённость целого к объекту действительности): крыжовник — «колючий *садовый* кустарник с кисло-сладкими ягодами»; латекс — «млечный сок *растений*, содержащий вещество для каучука, клея и т. п.»

2) назначение (функция, выполняемая целым): бахрома — «тесьма с рядом свободно свисающих шнурков, кистей, нитей и т. п. *для отделки* изделий из ткани»; крючок — «приспособление с загнутым концом, *служащее для того, чтобы зацеплять что-либо*»;

3) признак (характеристика целого по какому-либо признаку): каприфоль — «*выющийся* кустарник семейства жимолостных, с душистыми розовыми или жёлтыми цветками»; ласточка — «*перелётная* птица семейства воробьиных с узкими острыми крыльями...».

Перечень выделенных факультативных компонентов не является конечным.

Структуру фрейма ЧАСТЬ можно отобразить графически (табл.).

Репрезентированная структура фрейма ЧАСТЬ позволяет сделать следующие выводы.

Результаты анализа словарных дефиниций лексем, в значении которых присутствует семантический признак 'часть', и структура фрейма ЧАСТЬ показывают тождественность восприятия отношения «часть — целое» на онтологическом и семантическом уровне. Понятия 'часть' и 'целое' в сознании носителей языка не существуют независимо друг от друга, находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и определяются одно через другое.

Целостное состояние объекта воспринимается носителями русского языка как ситуация более естественная, чем ситуация «разделения» его на части, которая является более необычной, а значит, привле-

кает повышенное внимание носителей языка. В подтверждение этому можно отметить большее количество видов лексических репрезентантов (т. е. большую степень номинируемости) обязательного компонента 'часть' субфрейма 'часть' по сравнению с количеством видов лексических репрезентантов обязательного компонента 'целое' субфрейма 'целое'.

Вместе с тем русское языковое сознание не рассматривает целое как некое монолитное, статичное образование, ему интересны состав и структура целого, способ его образования и др., о чём свидетельствует совокупность факультативных компонентов субфрейма 'целое'.

Факультативные компоненты субфрейма 'часть' и субфрейма 'целое' дают представление о необязательных участках анализируемой области знания, которые, с одной стороны, уточняют, конкретизируют и дополняют образ части, с другой стороны, отражают процесс фокусировки внимания человека на отдельных участках в пределах соответствующей когнитивной области. Показателем важности той или иной сферы действительности для человека является степень её детализации в языке. Высокую плотность, большую разветвлённость и многокомпонентность имеет опять же участок факультативных компонентов субфрейма 'часть' по сравнению с аналогичным участком субфрейма 'целое'. Наиболее важными и значимыми для русского языкового сознания в представлении о части являются место, референтная область, способ, вещество / материал, количество, назначение, порядок, о целом — референтная область, назначение, способ, признак. Нетипичными, а значит, обращающими на себя внимание и отмеченными языком, являются случаи отсутствия части в составе целого и нарушения нормального функционирования части в составе целого.

Представление о части применительно к разным референтным областям показало, что выделение частей характерно как для живых, так и для неживых объектов действительности. Вместе с тем разделение на части неживых объектов воспринимается как более естественное и необходимое, о чём свидетельствует существование многочисленных и разнообразных лексем, называющих части неживых объектов, причём данные лексемы дифференцируются и закрепляются за конкретной референтной областью: *отдел* в учреждении, *направление, течение* в искусстве, *отрасль* в науке, технике, промышленности, *участок, зона* водной или земной поверхности и т. п. Представление живых существ в виде «совокупности частей» противоестественно для русского языкового сознания. В качестве лексического репрезентанта представления о части живого существа (человека или животного) используется только одна инвариантная лексема «часть».

Библиографический список

1. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — М. : Энергия, 1979. — 152 с.
2. Филмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. — М., 1988. — С. 52–92.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. — М. : Изд-во МГУ, 1997. — 212 с.
4. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. — 123 с.
5. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2001. — 191 с.
6. Кибрик, А. Е. Когнитивные исследования по дискурсу / А. Е. Кибрик // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 126–139.

7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
8. Новая философская энциклопедия В 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Стёпина. — М. : Мысль, 2001. — 605 с.
9. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З. Е. Александрова. — М. : Рус. яз., 2001. — 568 с.

СЕДОВА Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры туризма.
Адрес для переписки: sedova2006@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2012 г.
© Н. А. Седова

УДК 803.0:801.316.4

М. С. ШУМАЙЛОВА

Омский государственный
технический университет

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТА

Глобальность явления информатизации общества, широкое распространение терминологии Интернета как в среде специалистов, так и в среде непрофессиональных пользователей, свидетельствуют об актуальности исследования данной лексики.

Ключевые слова: терминология, заимствование, Интернет.

Глобальная сеть Интернет, сочетая в себе все виды мобильного обмена информацией, стала жизненно необходимой основой для развития деловой активности людей, совершенствования системы управления государством и просто человеческого общения, вследствие чего назрела необходимость инвентаризации немецких терминологических единиц и создания немецко-русского словаря терминов Интернета.

Немецкая терминология Интернета представляет собой систему, имеющую полевою организацию. Ядро этой системы составляет терминологическая лексика, под которой понимается кодифицированная, систематизированная часть терминологии Интернета.

Исследование немецких терминов Интернета позволило выделить несколько особенностей данного лексического пласта. Прежде всего, немецкоязычная терминология Интернета характеризуется большим количеством англо-американских заимствований, общее число которых составляет 50,6 % от всех терминологических единиц исследуемой терминологии.

Под англо-американскими заимствованиями понимаются лексические единицы, которые возникли либо в английском языке, либо в немецком с использованием лексем английского языка, при условии, что их словообразовательная функция активизировалась именно в английском языке.

В процессе своей адаптации в немецком языке англо-американское терминологическое заимствование претерпевает структурную и семантическую

ассимиляцию. Причем грамматическая и графическая ассимиляция англо-американизмов происходит не в момент заимствования, не при первом использовании англо-американизма, а постепенно и непосредственно. Под **ассимиляцией** понимается максимальное приближение фонетических, графических, грамматических и лексических характеристик лексемы к соответствующим нормам принимающего языка [1, с. 163].

Что же понимается под визуальными признаками англо-американизмов? Во-первых, нестандартные для немецкой, но типичные для английской орфографии сочетания гласных и согласных звуков — **ai, ea, ee, oo, ou, ow, sc, ght, sh**, написание в конце слова **y**, а в начале и в середине слова — **c**; во-вторых, написание американизма курсивным шрифтом или в кавычках, которые, как указывает В. Ю. Бондаренко, при первичных презентациях играют роль психологического зрительного фактора, указывая на то, что термин нов и необщепринят [2, с. 24]. Например: *Durch Client-Server-Entwicklung (z.B. WWW-Entwicklung) ist der P2P Einsatz lange Zeit verdrängt worden* [3, с. 23]. В-третьих, показателем новизны и ассимиляции служит написание имен существительных. В английском языке имена существительные пишутся со строчной буквы, а в немецком — с прописной. Таким образом, написание англицизмов в немецком языке с прописной буквы является наиболее частой формой графической интеграции и зачастую единственным изменением по сравнению с их

написанием в языке-источнике, например: **e-mail**; **e-Mail**; **E-Mail**.

Одной из актуальных проблем англо-американского терминологического заимствования в немецкой терминологии Интернета является родоопределение. Известно, что в современном английском языке нет категории рода имен существительных. Однако попавшим в немецкий язык англицизмам должна быть присвоена категория грамматического рода, формальным показателем которого служит артикль. Анализ контекстов, в которых функционируют ААЗ-существительные, а также грамматических помет в лексикографических источниках, показал, что приобретение категории рода происходит постепенно, причем в некоторых случаях у довольно употребительных имен существительных ссылка на грамматический род отсутствует, а иногда наблюдается колебание грамматического рода. В ряде случаев ААЗ становятся инициальной частью гибридного термина, род которого по правилам немецкого языка определяется финальной частью, например: **Hot-Standby-Betriebsweise** ~ режим работы горячего резервирования, **Directory-Datei** ~ файл каталога.

Одной из важнейших проблем англо-американского заимствования является их структурная ассимиляция. Б. Карстензен в 1965 году высказал мысль о том, что влияние английского словообразования на немецкое из-за ограниченного числа заимствований незначительно. Оно не затрагивает немецкой морфологической системы и выражается лишь в проникновении отдельных аффиксов [4, с. 68]. Однако за последующие годы произошел настоящий бум англо-американского заимствования в немецкий язык, что привело к появлению в немецком языке новых в структурно-морфологическом отношении единиц. В английском и немецком языках имеются сходные по морфологическому строению термины: простые, производные или дериваты, сложные или композиты и сложносокращенные или аббревиатуры, как результат аналогичных способов словообразования. В исследуемой терминологии представлены все перечисленные словообразовательные типы терминов [5, с. 80–94].

Важным аспектом функционирования англо-американизмов в немецкой терминологии Интернета является их семантическая ассимиляция. Под семантической ассимиляцией в данной статье понимается частичный или полный перенос значения слова в другой язык, где иноязычное слово воспринимается в совокупности его исходных смыслов без затруднений на уровне функционирования.

Одной из проблем номинации новых понятий с помощью заимствований является формирование новых производных смыслов в заимствующем языке. Семантическая деривация представляет собой когнитивно обусловленный фактор, поскольку между семантикой слова и процессами восприятия имеется тесная связь. Это обусловлено тем, что в слове, которое выступает как материальный сигнал элементов объективного мира, отражаемых в мышлении, закрепляются результаты познавательной деятельности человека, которые служат базой для дальнейшего познания. Познавательная деятельность человека играет ведущую роль в процессах семантической деривации, что приводит к изменению значения слова, в том числе и в условиях нового языка [6, с. 41].

При первом знакомстве с немецкой терминологией Интернета создается впечатление, что основную ее часть представляют единицы, заимствованные из английского языка. Это происходит по несколь-

ким причинам, основной из которых является тот факт, что немецкоязычная литература по проблемам сетевых технологий большей частью представляет собой переводы с английского языка. При детальном рассмотрении выясняется, что термины, используемые в Интернет-терминологии, были заимствованы английским языком из греческого и латинского языков. Такие широко употребляемые в немецкой терминологии Интернет термины, как **Rate** ~ соотношение; коэффициент; скорость; интенсивность, **Akkumulator** ~ аккумулятор, **Program** ~ программа, образованы от греческих или латинских основ и уже давно известны носителям немецкого языка. Однако в настоящее время данные слова приобретают новое значение, которое приходит в немецкий язык путем заимствования из английского языка узкоспециального терминологического значения. Подобное явление можно квалифицировать или как частичное лексическое заимствование, или как частичное семантическое калькирование.

Реальный процесс лексического заимствования можно проследить на терминах **Hardware** и **Software**. Так, слово **Hardware** существовало в английском языке задолго до начала становления отрасли электронно-вычислительной техники со значением «скобяные товары, металлические изделия» [7, с. 327]. Сегодня значение слова **Hardware** тесно связано с терминологией электронно-вычислительной техники и имеет значение «аппаратные средства, аппаратура, оборудование, аппаратное обеспечение» [8, с. 112]. Вероятно, по аналогии с **Hardware** в английском языке появился антонимичный термин **Software**, обозначающий программное обеспечение.

Говоря о семантической ассимиляции англо-американских заимствований нельзя обойти такие виды заимствования, как «смешанное» и калька [1, с. 163]. При смешанном заимствовании одна часть лексемы заимствуется, а вторая переводится или существует в языке, например: **Datenbus** ~ шина данных, информационная шина — терминоэлемент **Daten** калькируется, **Bus** — заимствуется; **Framerate** ~ частота кадров; скорость передачи кадров — **Frame** — заимствуется, **Rate** — калькируется. Еще одним видом заимствования, при котором новые термины образуются на основе исконных лексических средств, является калькирование, при котором заимствуется не материальная форма лексической единицы, а только ее структура или значение, например: **Fensterung** от **Windowing** ~ организация многоэкранного интерфейса; работа с окнами.

Семантическая ассимиляция — это длительный процесс, однако вследствие тенденции глобализации, ускорения процессов обмена научными знаниями, стремлением к унификации терминологии и других экстралингвистических причин, обуславливающих становление современных терминосистем, включение заимствования в национальную лексическую систему происходит довольно быстро — иногда в течение нескольких десятилетий.

Что касается структурных особенностей исконных терминов Интернета, то проведенный анализ подтвердил, что их структура обладает характерными для всей немецкой научно-технической терминологии особенностями. Данная группа представлена простыми однокорневыми терминами, производными или аффиксальными терминами (иногда их называют дериватами), сложными терминами или терминологическими композитами, терминологическими сочетаниями и аббревиатурами [5, с. 102–117]. Причем наименее продуктивной в немецкой тер-

минологии Интернета является модель **простых однокорневых терминов**. Данные термины, согласно С. В. Гриневу, относятся к группе однословных моноксемных терминов [1, с. 125]. Чаще всего данные термины образуются семантическими способами, например, вследствие процесса терминологизации общеупотребительной лексики, когда лексическая единица общелитературного языка меняет свое первоначальное значение в результате специализации или метафорического или метонимического переносов. Простые однокорневые термины, как правило, многозначны.

Основная же особенность немецкого языка заключается в том, что **словосложение** является основным способом образования слов. Под словосложением понимается способ словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ), в результате чего образуется сложное слово или композит [9, с. 469]. В немецкой терминологии Интернета 48,5 % терминологических единиц приходится на долю **сложных терминов**, например: **Abfragetechnik** ~ метод опроса, метод управления доступом к среде передачи, **Darstellungssweise** ~ способ (метод) представления, вид (тип) отображения, **Leitseite** ~ головной блок, головная страница.

Как видно из приведенных примеров, в русском языке эквивалентом терминов, образованных посредством **словосложения**, являются чаще всего терминологические сочетания, более характерные для русской терминологии. Это является иллюстрацией того факта, что структура терминов и терминологий в разных языках неодинакова. Знание этого принципиального отличия немецкой и русской терминологии очень важно для нахождения правильного значения того или иного термина на основе понимания значения составляющих его частей.

Все сложные термины, представленные в немецкой терминологии Интернета, образованы по модели определительного словосложения. Сложный термин, образованный при помощи данной модели, представляет собой сочетание из двух компонентов, которые могут иметь разную словообразовательную структуру, но членение сложного слова в немецком языке всегда бинарно, причем первый компонент определяет второй, а второй дает общую морфологическую и семантико-категориальную характеристику всего соединения, например: **Daten|bank|verwaltung** ~ управление базой данных, **Ersatz|funktion** ~ функция перехода в аварийный режим.

А. М. Искоз и А. Ф. Ленкова отмечают такой специфический признак немецкого языка, как возможность выражения свободных синтаксических отношений через сложное слово, в результате чего сложные термины могут семантически полностью совпадать с соответствующими словосочетаниями [10, с. 33], например: **Nachrichtenaustausch** – **Austausch von Nachrichten** ~ обмен сообщениями, обмен информацией, **Packungsdichte** – **Dichte der Packung** ~ плотность записи информации. Отличие между сложным термином и терминологическим сочетанием состоит в том, что сложный термин характеризуется структурной цельнооформленностью, причем его компоненты так прочно соединены, что термин воспринимается как самостоятельная единица. Терминологические элементы в его составе теряют свою лексическую самостоятельность, и весь комплекс получает единое значение, причем первый терминологический элемент обозначает постоянное свойство, придающее всему термину новое значение. Такой термин более удобен в

процессе коммуникации, чем соответствующее ему терминологическое сочетание.

В рассмотрении лексических особенностей немецкой терминологии Интернета интересным видится вопрос о передаче эмоционально-экспрессивного компонента значения терминов при переводе. Так, в исследуемой терминологии эмоционально-экспрессивно маркированными были признаны термины иноязычного происхождения, заимствованные или образованные на основе английских или греко-латинских корней, а также некоторые исконные немецкие термины, образованные лексико-семантическим, морфологическим и другими способами от слов немецкого языка.

Наиболее интересной и сложной для перевода на русский язык оказалась группа терминов, для образования которых характерен процесс семантического, а именно метафорического, переосмысления слов общеупотребительного языка, имеющих нейтральную стилистическую окраску, например, заимствованный из английского языка термин **der Host**, образован способом метафорического переосмысления общеупотребительного английского слова **host**, которое имеет значение «хозяин». Для описания сети Интернет данный термин имеет несколько значений: 1) постоянно подключенный к Интернету компьютер; 2) посетитель сайта с уникальным адресом; 3) управляющий компьютер в определенной вычислительной сети. На русский язык данный термин переводится как «хост, сервер, узел, узловая рабочая машина, узловой (рабочий) компьютер, ведущая ЭВМ, главный компьютер».

Эмоциональная окраска термина может сохраняться в случае, когда термин образован от эмоционально окрашенных слов активного словарного состава, например, заимствованный из английского языка термин **die Junk E-Mail** в английской терминологии Интернета образован путем терминологизации разговорно-окрашенного существительного **junk**, переводимого как «хлам, отбросы; чушь, вздор». Будучи термином, это слово получило терминологическое значение, в котором сохранился эмоционально-экспрессивный компонент — «сообщение электронной почты низкой важности».

Являясь частью общей лексической системы языка, терминология не может не испытывать влияния общеупотребительной лексики. Термины иноязычного происхождения, заимствованные или образованные на основе греческих и латинских корней, лишены внутренней формы, исключают или делают минимальной возможность ассоциации терминов со словами нейтрального словарного состава, а термины, образованные лексико-семантическим, морфологическим и другими способами от слов родного языка не всегда сохраняют эмоционально-экспрессивную нейтральность. В немецкой терминологии Интернета около 300 терминов образованы путем метафоризации. Следует отметить, что из всего количества терминов, образованных данным способом, лишь небольшое количество составляют термины, образованные на немецком языковом материале. Основное же количество терминов представляют собой англо-американские заимствования различной степени ассимиляции (86 % англо-американских заимствованных терминов против 14 % исконно немецких терминов). Это можно объяснить стремлением немецких специалистов образовывать термины более сдержанные и технически точные в содержательном плане. Огромное количество англо-американских заимствований связано с невероятно быстрым разви-

тием сферы информационных технологий в целом, так что специалисты, переводчики и лингвисты просто не успевают «обрабатывать» поток новых терминов, поступающих в подавляющем количестве из англоязычных стран.

Кроме того, наличие значительного числа терминов с эмоционально-экспрессивным компонентом значения объясняется тем, что с конца XX века область компьютерной техники перестает быть узкоспециализированной. Компьютеры, а вместе с ними и пользование сетевыми услугами становятся общедоступными, и являются объектами широкого использования представителей разных слоев населения. Этот факт также отразился на новых понятиях окружающей действительности и бытовой сферы, что способствовало быстрому овладению и умелому управлению сетевыми технологиями. Основное количество экспрессивно маркированных терминологических единиц можно отнести к семантическим образованиям антропоморфного типа, поскольку их можно отнести к области понятий и предметов из ближайшего окружения человека, например, термины социальных отношений, термины названий органов человеческого тела, термины профессиональных отношений, названия живой и неживой природы, предметов домашнего обихода, реалий транспорта и средств коммуникации, сооружений и их деталей и т.п.

Таким образом, эмпирическое исследование немецкой терминологии Интернета позволило выделить следующие лексические особенности:

1. Англо-американизмы являются основным источником формирования и динамического развития исследуемой терминологии, причем их ассимиляция в немецкой терминологии Интернета является **постепенным, непоследовательным** процессом. Отличительной особенностью ААЗ в исследуемой терминологии является то, что они широко используются в языке, будучи не полностью освоенными в орфографическом и грамматическом отношении.

2. Сложные термины, составляющие основную массу немецкой терминологии Интернета, являются определенными композитами, образованными из двух терминоэлементов, один из которых подчинен другому, при этом последовательность их расположения в сложном термине строго предписана. Модель определительного словосложения является

самой продуктивной в немецкой терминологии Интернета.

3. Особенностью семантического способа номинации является наличие эмоционально-экспрессивного компонента значения, проявляющегося через метафоризацию антропоморфического типа.

Библиографический список

1. Гринёв, С. В. Введение в терминологию / С. В. Гринёв. — М., 1993. — 309 с.
2. Бондаренко, В. Ю. Англо-американизмы в немецкой медицинской терминологии (на материале кардиологических терминов) : дис. ... канд. филол. наук / В. Ю. Бондаренко. — Тверь, 1994. — 231 с.
3. DFN-Mitteilungen. 2004. Heft 58.
4. Carstensen, V. Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945 / V. Carstensen. — Heidelberg : Winter, 1965. — 295 S.
5. Шумагер, А. И. Универсация раздельно оформленных наименований в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук / А. И. Шумагер. — Калинин, 1986. — 187 с.
6. Ларькова, Л. Ф. Межъязыковые семантические корреляции слов-терминов родственных языков (на материале немецкой терминологии по современной радио- и электропроводной связи в сопоставлении с английской) : дис. ... канд. филол. наук / Л. Ф. Ларькова. — Киев, 1984. — 317 с.
7. Большой англо-русский словарь / И. Р. Гальперин ; под рук. И. Р. Гальперина. — М. : Сов. Энциклопедия, 1972. — 940 с.
8. Пройдаков, Э. М. Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию / Э. М. Пройдаков, Л. А. Теплицкий. — М. : Рус. Редакция, 2002. — 640 с.
9. Виноградов, В. А. Словосложение / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 469.
10. Iskos, A. Deutsche Lexikologie / A. Iskos, A. Lenkova — Leningrad : Staatsverlag für Lehrbücher und Pädagogik des Ministeriums für Bildungswesen der UdSSR, 1963. — 275 S.

ШУМАЙЛОВА Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: marina_shumailov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2012 г.

© М. С. Шумаилова

Книжная полка

Введенская, Л. А. Русский язык. Культура речи. Деловое общение : учеб. для подгот. бакалавров нефилол. профиля / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. — М. : КНОРУС, 2012. — 423 с. — ISBN 978-5-406-01959-7.

Подготовлен с учетом требований федерального гос. образовательного стандарта высшего профессионального образования нового поколения на основе компетентностного подхода. Дается характеристика современного русского языка и его функциональных стилей, рассматриваются различные аспекты культуры речи (нормативный, коммуникативный, этический), основные жанры устного делового общения (беседа, переговоры, совещание, разговор по телефону), излагаются основы ораторского искусства и полемического мастерства. Значительное внимание уделяется эффективности письменного делового общения. Для бакалавров нефилологического профиля. Может быть использован на курсах повышения квалификации кадров управления, менеджеров и предпринимателей, а также будет полезен всем, для кого русский язык является средством профессиональной деятельности.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОВ-МИФОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Основной целью статьи является лексико-семантический анализ английских терминов-мифонимов. В работе дана классификация терминов-мифонимов для обозначения реальных объектов медицинской науки, фауны, флоры и космического пространства. В статье предпринята попытка установить место терминов-мифонимов в английской лингвокультуре.

Ключевые слова: терминология, термин-мифоним, лингвокультура, этимология, имя собственное.

Научно-технические термины — большой слой лексики, с помощью которого фиксируется новое знание и обозначаются важные для общества понятия и объекты, обеспечиваются передача и восприятие различной научной информации. Они используются для обозначения научных и технических понятий, принадлежат к специальной области знания, имеют целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в научной речи.

Культурологический аспект отражен в памяти человечества, аккумулированный в терминах-мифонимах.

В состав мифонимов, которые представляют собой своеобразный сектор ономастического пространства, входят именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов, в действительности никогда не существовавших, а известных нам из сказок и мифов, созданных фантазией человека [1, с. 281].

Имя собственное имеет коннотативное значение в термине-мифониме, играет историческую и культурную роль.

Переход имен античных героев происходит путем обобщения значения исходного имени собственного. При этом устанавливается постоянная связь между новым нарицательным словом и представлением о конкретном античном герое. Имя, взятое из мифологии, употребляется в речи в качестве обобщенного нарицательного обозначения определенных физических и моральных характеристик или действий, свойственных данному персонажу, взятому из античности.

Магическая функция языка в архаичных культурах обусловлена мифологическими представлениями народа, одухотворением всего окружающего мира. По мысли Э. Кассирера, структура мифологического языкового мира в значительной степени определяется одинаковыми духовными представлениями: «Миф оживает и обогащается благодаря языку, а язык — благодаря мифу» [2, с. 41].

В именах мифических существ сохранились слова и элементы слов давно минувших эпох.

1. Мифонимы для обозначения растительного и животного мира, космического пространства. Для анализа было отобрано 32 английские лексические единицы (0,62 % от общей выборки).

• *насекомые:*

— **hercules** — геркулес крупный жук, обитающий в Южной Америке, по имени мифического Геркулеса, сильнейшего из греческих героев.

• *птицы:*

— **harpy** — гарпия, крупная хищная птица; род летучих мышей, обитающих в Индии, по имени греческой богини вихря и смерти Гарпии.

• *растения:*

— **hyacinth** — гиацинт, род многолетних луковичных растений семейства лилейных, по имени греческого юноши Гиацинта;

• *планеты:*

— **Jupiter** — Юпитер, самая большая и самая яркая из девяти планет Солнечной системы, по имени древнеримского верховного бога света, грома и молнии Юпитера;

• *созвездия:*

— **Orion** — Орион, созвездие небесного свода. Орион, в древнегреческой мифологии беотийский охотник-великан;

• *горы:*

— **volcano** — вулкан, огнедышащая гора, по имени мифического древнеримского бога огня и кузнечного искусства Вулкана;

• *животные:*

— **triton** — тритон, род хвостатых амфибий подотряда саламандровых, по имени морского божества Тритона;

• *вещества:*

— **myrrh** — мирра, ароматическая смола некоторых африканских и аравийских деревьев, застывающая на воздухе, применяется в медицине и парфюмерии, названа по имени греческой женщины Мирры, которую боги, в греческой мифологии, превратили в это дерево.

Названия планет и созвездий по имени античных персонажей пишутся с прописной буквы (табл. 1).

Перенесенные имена мифических персонажей, взятые из греко-римской мифологии на различные предметы и явления действительности, являются общеупотребительными для английского языка, относятся к общекультурной лексике и являются интернационализмами.

2. Термины-мифонимы в медицине

• *наименования болезней*

Для анализа было отобрано семь английских лексических единиц (0,14 % от выборки по данной главе).

Таблица 1
Термины-мифонимы для обозначения растительного и животного мира,
космического пространства

Название подгруппы	Количество единиц	% от выборки
Насекомые	8	0,2
Птицы	1	0,02
Растения	10	0,13
Планеты	8	0,15
Созвездия	2	0,04
Горы	1	0,02
Животные	1	0,02
Вещества	1	0,02

Таблица 2

Термины-мифонимы в медицине

Название подгруппы	Количество единиц	% от выборки
Болезни	7	0,14
Лекарства	6	0,12
Психические расстройства	15	0,30

Изучение этимологии мифонимов помогает понять историю культуры и связь времен.

— **Job's syndrome** — синдром Иова (по имени библейского персонажа Иова, пораженного «проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его»). Этот синдром является наследственным дефектом иммунитета, при котором у больных детей наблюдаются множественные рецидивирующие абсцессы, часто хронический ринит, отит, синусит, микробная экзема;

— **Janus syndrome** — синдром Януса. (По имени Януса, двуликого бога древних римлян — покровителя дверей, входа и выхода, всех начал.) Синдром Януса — клиничко-рентгенологическая картина одностороннего нарушения вентиляции легкого;

— **Narcissus** — Нарцисс, нарциссизм, в древнегреческой мифологии юноша-красавец, который, увидев в воде свое отражение, влюбился в него, от этой любви умер и был превращен богами в цветок, любующийся своей красотой, самовлюбленный человек. Отсюда название термина нарциссизм — чрезмерная самовлюбленность, а также ощущение собственной чрезмерной важности;

Близость семантики данных определений обусловлена наличием единого имени собственного мифологического происхождения. При совпадающем сигнификативном значении они употребляются для обозначения различных реалий и не всегда являются взаимозаменяемыми.

• *наименования лекарств*

Для анализа было отобрано шесть английских лексических единиц (0,12 % от общей выборки).

— **Adonis** — горичвет адонис (фазаний глаз) получил свое название по имени греческого бога Адониса, чья кровь, по преданию, попала на цветок.

— **Artemisia** — полынь, от имени греческой царицы Артемиды.

— **Mint** — мята, название рода происходит от имени нимфы Минфы (или Минты), богини горы Менте в Элиде, возлюбленной бога подземного царства Гадеса. Супруга Гадеса Персефона превратила её в растение — душистую мяту.

Мифонимы присутствуют в основе не только медицинских названий, но и для обозначения понятий других наук, в частности, психологии.

• *наименования психических расстройств*

Для анализа было отобрано 15 английских лексических единиц (0,30 % от общей выборки).

— **Diogen's syndrome** — синдром Диогена клиническое состояние, характеризующееся пренебрежительным отношением к бытовым вопросам одиноко живущих престарелых людей. Наиболее часто возникает у ранее активных людей, ориентированных прежде всего на работу и имевших социальный успех. Синдром Диогена назван так по имени древнегреческого философа-киника из Синопа, жившего, по преданию, в бочке;

— **Ahasuerus' syndrome** — синдром Агасфера. Определение «синдрома Агасфера» введено в 1951 году. «Синдром Агасфера» характеризуется сочетанием у больных психопатии и медикаментозной наркомании. «Синдром Агасфера» описан П. Вингейтом у психопатических личностей с склонностью к употреблению алкогольных напитков и другими наркоманическими тенденциями. Назван по имени Агасфера, мифического вечного странника, персонажа многих легенд.

Клинические синдромы, болезни, связанные с популярными персонажами из мифологии, хорошо запоминаются.

Термины- мифонимы, образованные от имен античных героев, формируются в медицинской терминологии для создания ассоциативных связей с персонажами, их манерами поведения, которые служат признаками определенных симптомов, характерных для данных заболеваний (табл. 2).

В результате исследования было выявлено, что наибольшее количество мифонимов входит в состав раздела медицины, занимающейся лечением душевных расстройств.

Имена персонажей из мифологии, которые порождены фантазией, не являются отражением реальных объектов. В ходе исторического процесса термины-мифонимы приобретают материальный смысл, их образность стирается, и они воспринимаются с новым содержанием и смыслом, ничего общего не имеющим с исходным.

Мифологическая культура не исчезла бесследно, она передает духовно-нравственный опыт от поколения к поколению. Она живет в терминах-мифо-

нимах, перенесенных на предметы материальной действительности.

Научная новизна данной работы определяется тем, что проведенный в ней лексико-семантический анализ терминов-мифонимов позволил прояснить связь английского языка с культурой и установить место термина-мифонима в английской лингвокультуре.

Библиографический список

1. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 372 с.

2. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. — 75 с.

КУЧЕШЕВА Ирина Львовна, преподаватель английского языка.

Адрес для переписки: kuchesheva@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 13.07.2012 г.

© И. А. Кучешева

УДК 821.161.1

К. А. ОЖЕРЕЛЬЕВ

Омский государственный педагогический университет

ОБРАЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УНИВЕРСУМЕ В ЛИРИКЕ К. С. АКСАКОВА

Статья посвящена изучению художественной онтологии, метафизики и мифопоэтики лирики К. С. Аксакова. В статье рассматриваются образные представления о Вселенной как универсуме в лирике К. С. Аксакова. Работа может быть интересна с точки зрения контекстуального рассмотрения образных представлений об универсуме в лирике XIX в.

Ключевые слова: универсум, славянофильство, художественная картина мира, натурфилософия, лирика, поэтическая традиция.

Многогранное творческое наследие К. С. Аксакова, рассматриваемое в общем контексте развития русской литературы, в последнее время стало объектом пристального внимания исследователей в области литературоведения и историософии. Это связано, в первую очередь, с широким интересом к феномену славянофильства в целом. В большей степени для ученых разных направлений выбор предмета анализа и интерпретации сводится к публицистической, философской, эстетической и лингвистической составляющим творчества видного представителя русской культуры XIX в. Такое предпочтение имеет свои закономерные причины, поскольку именно в данных сферах талант и энциклопедизм К. С. Аксакова проявился наиболее ярко и самобытно. В этом исследовательском ряду стоит отметить работы Б. Ф. Егорова [1], С. И. Машинского [2, 3], В. В. Кожина [4], В. И. Кулешова [5], В. А. Кошелева [6], созданные в советское время. Научной значимостью обладают и современные труды, посвященные семье Аксаковых, которые посредством биографического метода с опорой на эпистолярный материал и воспоминания раскрывают особенности мирозерцания К. С. Аксакова. Здесь особо стоит выделить исследование Е. И. Анненковой [7] и М. П. Лобанова [8].

Но и сегодня наименее исследованной остается лирика К. С. Аксакова, вне всякого сомнения, являющаяся органичной составляющей целостного культурного фонда всей эпохи и художественного наследия мыслителя в частности. Собственно лирическое творчество К. С. Аксакова одним из первых рассмотрел В. Н. Кораблёв [9] в небольшой работе «Константин Аксаков» (1911). Позже возникали новые дополнения к характеристике стихотворного собра-

ния текстов, но анализ лирики носил, скорее, вспомогательный характер, как вторичная манифестация более солидных эстетико-философских положений писателя. В этом также можно увидеть вполне объяснимую причину — лирика К. С. Аксакова может показаться довольно однообразной и даже подражательной, эпигонской в художественном отношении. Тем не менее ее метафизические основания, на наш взгляд, служат особым индикатором творческого наследия мыслителя в целом. Такой подход особенно ярко иллюстрируют стихотворения, написанные до «рубежного» 1840 г., когда в творчестве К. С. Аксакова, по замечанию С. И. Машинского, «темы лирические и философские почти иссякают, и в его творчестве начинает преобладать политическая струя» [3, с. 283]. Мы попытаемся показать, как в лирике К. С. Аксакова развивается образ Вселенной как универсума, как преломляются собственно философские концептуальные категории в художественном целом его лирических текстов.

В раннем поэтическом творчестве К. С. Аксакова сильно влияние «гегельянского» и «шеллингианского» начал. В первом случае для художника особо значимой выступает формула сущности поэтического созидания как самопознания Абсолютного духа, равно как и троичная модель единства противоположностей (тезис — антитезис — синтез). А в отношении Ф. В. Шеллинга и его натурфилософской концепции природы как единого и развивающегося организма налицо почти полное приятие К. С. Аксаковым основных постулатов теории немецкого философа. На данные концептуальные понятия, заимствованные у немецких учителей, поэт накладывает православное понимание мироздания как Царствия

Божиего. В художественном мире лирики К. С. Аксакова возникают следующие магистральные представления об универсуме:

1. Природа как единый организм в шеллингианском понимании (наиболее частое истолкование).

2. Природа и мироздание как особое Священное Писание, предначертанное на небесах, непостижимая скрижаль, во всем многообразии противоречивых начал, ее составляющих. Здесь приложима известная шеллингианская максима: «В универсуме заключено то, что заключено в Боге» [10, с. 77].

3. Природа как дивный Божий храм, в котором совершается литургия (православное толкование).

Представленное выше общее описание системы образов Вселенной в лирике К. С. Аксакова опровергает устоявшееся еще при жизни многих деятелей славянофильского движения мнение критиков об их сугубо «консервативном», подчас «сектантском» положении в литературе, в истории и в культуре. Налицо же — глубокое взаимодействие славянофилов с передовыми западными философскими идеями первой половины XIX в. Это уже в начале XX в. заметил Н. Л. Бродский: «Литературные взгляды славянофилов не расходились с эстетическими принципами западников» [11, с. 130]. В. В. Кожин, подчеркивая целостность и единство эстетической платформы славянофилов, указывал: «Никакого «староверства» нет, по существу, и в основных философских исканиях славянофилов — это искания людей, стоящих на уровне современной мировой философско-научной мысли» [4, с. 124]. Однако к лирическому наследию К. С. Аксакова применимо в равной мере и замечание В. А. Кошелева, характеризующее явление славянофильства в целом: «Идея от философских систем немецкой школы, славянофилы очень рано сознали их узость и неприменимость к русской национальной жизни» [6, с. 58], поэтому так живо славянофилами (особенно А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским) были приняты идеи философского «синтеза», заимствованные у Гегеля, и соответствующий приоритет над «анализом». Данный аспект составляет одну из характерных черт и в поэтике К. С. Аксакова.

Интересный опыт «синтеза» в пределах одного лирического текста разных поэтических и философских традиций представляет собой стихотворное послание К. С. Аксакова 1832 года «К N.N.» («Что лучше может быть природы!»). Лирический субъект, воспринимая и переживая единство мироздания и всего прекрасного, чередует восклицания с вопросительной интонацией:

Взгляни, как чисты небеса!..

Как на цветах блестит роса!..

Кто учит языку богов? [12, с. 290].

Стихи данного лирического текста тяготеют по форме к тезису: «Природа, все она — природа!» [12, с. 290]. Мысль о единстве мироздания неразрывно связана с пониманием природы в русле идей Ф. В. Шеллинга как о бесконечно развивающемся организме универсума, в котором происходит постоянное разветвление разных частей и их взаимопроникновение, перетекание элементов сущего друг в друга: «Характер природы есть нерасчлененное единство бесконечного и конечного: конечное преобладает, но в нем как в общей оболочке заложено зерно абсолюта, полного единства конечного и бесконечного» [10, с. 129]. Хронотоп стихотворения построен как двойная проекция. Строки в первой и во второй строфах («как на цветах блестит роса!», «когда рассвет туманный...») отсылают нас к *утру* (шире — к утру Вселен-

ной), в то время как в последней строфе изображено угасание дня:

Или когда в сияньи чистом

Луна всплывет на небеса... [12, с. 290].

Это «горизонтальный» пространственно-временной срез: утро (природы и мира) — вечер — ночь. Особая роль отведена образу соловья (соловьев), чья характеристика (во множественном числе), как «неподкупных лесных певцов» [12, с. 290] текстуально повторяется в первой и последней строфах, тем самым знаменуя идею вечного возвращения и бессмертной силы природы. Стоит вспомнить также и о том, что соловей в разные эпохи являлся аллегорическим символом поэтического вдохновения. Древнеиранская мифологическая традиция, например, изображала соловья («хазаран блбул» — «поющего соловья») как чудесную птицу, от пения которой «растцветают засохшие сады, горы и долины покрываются растительностью» [13, с. 576]. В контексте данного лирического сюжета представляется наиболее адекватным соотношение образа соловья с поэтическим творением самой природы, в духе истолкования этого образа Кольридом и Вордсвортом. Согласно данной трактовке соловей выступает творческим голосом Космоса. Есть и другая пространственная проекция — «вертикальная». Риторические восклицания лирического субъекта в начале стихотворения представляют собой стилистическую градацию нисхождения природных явлений с *небес на землю* (дождь, роса) и дальнейшего течения жизни — от рассвета к закату:

Или когда рассвет туманный,

Играя в водяной пыли,

Им возвестит приход желанный

Светила неба и земли... [12, с. 290].

Образ звездного покрыва («И небо пышно убежится в блестящий звездами покров» [12, с. 291]) созвучен религиозному символу Покрова Пресвятой Богородицы, православной традиции, которая единственная из всех остальных направлений христианства отмечает праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября по ст. ст. и 14 октября по нов. ст.). Согласно данному толкованию, Богородица расстилает свой Покров над молящимся народом, что символизирует охранительное начало. В общехристианской иконографической традиции голова Богоматери (Марии) «всегда закрыта платом (мафорием), на котором сияют три звезды (на лбу и на плечах) как знак троякого девства Марии — до рождения, в рождении и по рождении» [13, с. 116]. Таким образом, в данном тексте происходит совмещение разных культурных пластов и поэтических традиций, которые, тем не менее, слиты в органичное художественное единство.

Оригинальное натурфилософское толкование образа Вселенной мы находим в «Элегии» (1832), где пространственно-временные координаты уже теряют определенность, и лирический субъект, чувствуя свою сопричастность микро- и макрокосмосу: «И все обниму я, везде разольюсь» [12, с. 292], обретает счастливую возможность бессмертной жизни, которая предстает как безграничный океан:

И в сем океане

Я плавать начну,

Проникну веками

Сотканную тьму [12, с. 293].

Образ океана имеет и другие художественные коннотации в поэтическом мире К. С. Аксакова, наряду с аналогичными частотными образами грозы, моря, покрыва, венца, ручья, булата, алтаря, росы,

цветов, храма, орла, челна, скалы и др. Все вместе они составляют сложный семантический ряд, который формирует особую картину мира в лирическом наследии К. С. Аксакова. В контексте «Элегии» океан предстает глобальной метафорой: сугубо земной образ переносится на отображение небесного, дальнего и вечного. Мир земной оказывается как бы «опрокинут» в божественную стихию. В указанном лирическом тексте характерно использование неопределенных количественных и экспрессивных качественных характеристик при описании универсума: «безбрежное небо», «неба равнины», «сотканная тьма», «всего бесконечность», «страшная вечность», «ничтожная земля», «свободная душа». Лирический субъект, расставаясь с телом, входит в мир запредельного, в органично устроенный Космос, который представляется ему огромным океаном. Однако наряду с гармонией заоблачного мира, который видится герою вполне упорядоченным («Я неба равнины измеряю тогда» [12, с. 292]), в образе мироздания присутствует и темное, хаотическое начало. Так, оно выражено поэтической лексемой «тьма», что сближает художественное видение Вселенной у К. С. Аксакова и Ф. И. Тютчева и вновь отсылает к Ф. В. Шеллингу, согласно философской концепции которого: «Абсолютный хаос как общее пра-зерно богов и людей есть ночь, тьма» [10, с. 94]. А вышеупомянутая поэтическая сентенция («И все обниму я, везде разольюсь» [12, с. 292]) семантически соотносится с тютчевским образным представлением («Все во мне, и я во всем») и подтверждает натурфилософскую и пантеистическую направленность лирики К. С. Аксакова в первый период его творчества. Верным представляется и замечание С. И. Машинского о том, что в ранних поэтических творениях К. С. Аксакова «проходит мысль о нерасторжимом единстве человека и природы» [2, с. 59].

Преимущество природного макрокосмоса не подавляет в лирике К. С. Аксакова и малой частицы этого безграничного целого — человеческой души, индивидуального начала. Напротив, мир душевных грез способен принять в себя всю огромность вселенской жизни. Характерным примером такого соотнесения целого и единичного может служить стихотворение «Фантазия», которое представляет собой элегическое размышление о единстве сопредельных и взаимоотдаленных начал, природного и человеческого. Выбор заголовка не случаен. Одна из максим Ф. В. Шеллинга утверждает: «Мир богов не есть объект ни одного лишь рассудка, ни разума и должен постигаться единственно фантазией» [10, с. 94–95]. Для русского поэта немецкий мыслитель был одним из самых авторитетных учителей, и данная формула постижения универсума представлялась К. С. Аксакову очень важной. Поэтический синтаксис, не осложненный развернутыми вводными конструкциями, создает медитативную и неторопливую тональность. Лирический субъект с первых строк оказывается стесненным между двух стихий — воды и неба:

Один я на бреге высоком сидел...
И долго на небо и воды глядел [12, с. 302].

Похожий прием в единстве с важным для поэтики К. С. Аксакова мотивом зеркальности мы можем встретить и в другом его пейзажном стихотворении «Я видел Волгу, как она...»:

Казалось, небеса слились,
И мир глазам моим являлся:
С двух солнцев в нем лучи лились,
Я посредине колебался [12, с. 293].

Мир реальный вытесняется миром мечты и фантазии, который в то же время не противоречит ему. Для К. С. Аксакова равно важны прошлое и будущее, а настоящее представляет собой лишь некий отрезок в пространстве Вечности, поэтому излишнее преклонение перед настоящим и страх перед Вечностью чужды поэту. Лирический субъект достигает в стихотворении полного единства с мирозданием:

И весь перелился в природу...
И всю наполняя природу собой,
Я с нею летел в бесконечность —
И таинств завеса редела пред мной,
Доступной казалась мне вечность [12, с. 302–303].

Уже в поздний период творчества для К. С. Аксакова станет очевидной невозможность всеобъемлющего познания скрытой тайны природного Космоса. Понимание полной истины для поэта предполагает изначальную сверхсилу и посвященность, которыми может обладать лишь Творец Вселенной. А для лирического субъекта в самый сладостный миг (в момент снятия с природы таинственного покровы) все заканчивается пробуждением:

Уж истины луч предо мной заблестел...
Но вдруг я вздрогнул и очнулся [12, с. 303].

В лирической миниатюре «Да, я певал, когда меня манило...» земное бытие воплощено сразу в двух планах: как дивное произведение Творца («преlestное, земное бытие» [12, с. 305]), задуманное и «написанное» на небесах, и как вместилище всего живого и недоступного глазу — мир как Храм, где в едином молитвенном порыве человек и природа сливаются в нерасторжимое целое:

Когда луна молилась и любила
И целый мир был храмом для нее [12, с. 305].

Для К. С. Аксакова, помимо других интерпретаций Вселенной как универсума, была характерна и следующая: «Природа — это волшебный «храм», общение с ней — источник радости, душевного покоя и здоровья» [2, с. 59]. Восприятие бытийного универсума как Храма Божиего также можно условно рассмотреть на трехуровневом примере по степени нарастания значимости: душа как храм — родной дом (усадебный) как храм, Вселенная-храм. Однако вполне возможна и обратная перспектива отсчета, так как «поэтическая реальность», если использовать обозначение литературоведа В. В. Федорова, у К. С. Аксакова довольно стройна и взаимодополняема.

Итак, образные представления об универсуме в лирике К. С. Аксакова носят следующий характер. Природа и Бог в художественном мире К. С. Аксакова предстают как единая субстанция. Вариантами такого единства выступают модификации: природа как организм (в духе философии Ф. В. Шеллинга), природа как Священное Писание, предначертанное на небесах, природа как Храм Божий (оригинальная трактовка гегелевского «синтеза» на стыке пантеистических учений и специфически русского — православного религиозного опыта). Использование «синтеза» в авторской поэтике позволяет гармонично совмещать разные поэтические традиции и философские категории.

Библиографический список

1. Егоров, Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века / Б. Ф. Егоров. — Л. : Искусство, 1982. — 269 с.
2. Машинский, С. И. Кружок Н. В. Станкевича и его поэты / С. И. Машинский // Поэты кружка Н. В. Станкевича. — М.-Л. : Советский писатель, 1964. — С. 5–82.

3. Машинский, С. И. К. С. Аксаков / С. И. Машинский // Поэты кружка Н. В. Станкевича. — М.-Л. : Советский писатель, 1964. — С. 281–288.
4. Кожин, В. В. О главном в наследии славянофилов / В. В. Кожин // О русском национальном сознании. — М. : Алгоритм, 2002. — С. 100–124.
5. Кулешов, В. И. Славянофилы и русская литература / В. И. Кулешов. — М. : Художественная литература, 1976. — 288 с.
6. Кошелев, В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы) / В. А. Кошелев. — Л. : Наука, 1984. — 196 с.
7. Анненкова, Е. И. Аксаковы / Е. И. Анненкова. — СПб. : Наука, 1998. — 366 с.
8. Лобанов, М. П. Аксаков / М. П. Лобанов. — М. : Молодая гвардия, 2005. — С. 210–240.
9. Кораблёв, В. Н. Константин Аксаков / В. Н. Кораблёв. — СПб. : Типография В. Д. Смирнова, 1911. — 18 с.

10. Шеллинг, Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. — М. : Мысль, 1966. — 496 с.
11. Бродский, Н. Л. Ранние славянофилы. А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / Н. Л. Бродский. — М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1910. — 206 с.
12. Поэты кружка Н. В. Станкевича / гл. ред. В. Н. Орлов. — М.-Л. : Советский писатель, 1964. — 616 с.
13. Мифы народов мира: В 2 т. Т. 2. К–Я / гл. ред. С. А. Токарев. — М. : Советская энциклопедия, 1988. — 719 с.

ОЖЕРЕЛЬЕВ Константин Анатольевич, аспирант кафедры литературы.
Адрес для переписки: blue_eyes_hawk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2012 г.
© К. А. Ожерельев

УДК 811.111:620.3

Г. П. ТЕРЕНТЬЕВА

Омский государственный
технический университет

ПОНЯТИЙНЫЙ АСПЕКТ ТЕРМИНОВ НАНОТЕХНОЛОГИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Данная статья рассматривает проблему функционирования терминов нанотехнологий в лингвистике. Автор отмечает тесное взаимодействие специалистов нанотехнологий и языковедов и выделяет задачи, которые должны быть решены языковедами: разработка терминологической базы данных, глоссариев, различных видов электронных словарей, обучающих компьютерных программ. Нанотехнология связана с моделированием нанокomпьютеров и созданием нанороботов. Основной целью этой работы является представление понятий терминов нанотехнологий и их сфер применения. В заключение автор отмечает, что словари по нанотехнологиям с описанием данных терминов облегчают работу специалистов.

Ключевые слова: наноробот, наночастица, нанотрубка, нанообъект, наноэлектроника, термины и терминосочетания нанотехнологий, лингвистика и нанотехнология.

Для системного развития всей инфраструктуры наноиндустрии необходимо, прежде всего, упорядочение терминологии. С нашей точки зрения, необходимо определить в первую очередь лексические единицы семантического поля — «нанотехнологии». В данном случае целесообразно теснейшее взаимодействие специалистов в области нанотехнологий и лингвистов. Для успешного развития проекта следует уделить первостепенное внимание терминологии профессионального языка в области нанотехнологий и наноиндустрии.

В специальной литературе имеется целый ряд в какой-то степени варьирующих интерпретаций данного термина. Для успешной профессиональной коммуникации именно лингвисты должны помочь специалистам по нанотехнологиям в создании:

- терминологической базы данных;
- терминологического метаязыка (на базе русского языка);
- глоссария (одно-, дву- и многоязычного);
- толкового научно-технического словаря с контекстным сопровождением для русского языка с ука-

занием на иноязычные эквиваленты (на бумажном и электронном носителях);

— различных типов электронных словарей: одноязычных толковых словарей и тезаурусов, двуязычных и многоязычных переводных отраслевых словарей по данному подъязыку;

— системы автоматизированного перевода (с разной степенью автоматизированности);

— экспертной системы;

— обучающих программ, сориентированных на приобретение иноязычных вербальных компетенций в области профессиональной коммуникации по направлению «нанотехнологии», «наноиндустрия».

Все вышеперечисленные лексикографические и терминографические источники помогут снять эффект неоднозначного толкования терминов в процессе работы над проектами, а также лягут в основу лингвистики обучения будущих специалистов в области наноиндустрии с ориентацией на профессиональную коммуникацию.

Если принять во внимание такие первостепенные задачи наноиндустрии, как конструирование нано-

компьютеров и создание нанороботов, то в данном случае на первый план выходит проблема управляемости процессом и объектом. Возникают задачи, связанные, например, с управлением зондового микроскопа, позволяющего осуществлять манипуляции с атомами и молекулами. Управление же работой микроскопа экономично и эффективно по быстродействию во времени только лишь при условии речевого ввода, что непосредственно связано с разработкой автоматизированных систем распознавания и понимания речи [1].

Английский термин: **nanorobot** (*наноробот*) — автономная или дистанционно управляемая субмикроскопическая машина, способная оперировать молекулами и надмолекулярными комплексами сходных размеров.

В настоящее время существуют лишь теоретические разработки в области нанороботики. Ее дальнейшее развитие тесно связано с прогрессом в создании наноматериалов, нанoeлектромеханических систем, наносенсоров и молекулярных наномоторов. Важнейшей областью применения нанороботов должна стать медицина, а также другие сферы деятельности человека, использующие живые системы (сельское хозяйство, ветеринария, биотехнология). Ожидается, что с помощью нанороботов станет возможным осуществлять направленную коррекцию врожденных генетических дефектов у человека, эффективно бороться с сердечно-сосудистыми, онкологическими, нейродегенеративными и инфекционными заболеваниями [2].

Английский термин **nanoparticle** — изолированный твердофазный объект, имеющий отчетливо выраженную границу с окружающей средой, размеры которого во всех трех измерениях составляют от 1 до 100 нм.

Наночастицы — один из наиболее общих терминов для обозначения изолированных ультрадисперсных объектов, во многом дублирующий ранее известные термины (коллоидные частицы, ультрадисперсные частицы), но отличающийся от них четко определенными размерными границами. Твердые частицы размером менее 1 нм обычно относят к кластерам, более 100 нм — к субмикронным частицам [3].

Английское терминосочетание — **magnetic nanoparticles for therapeutic use** — наночастицы, имеющие постоянный или наведенный магнитный момент и применяемые в медицине для диагностики и лечения заболеваний.

Магнитные наночастицы, используемые в терапевтических целях, могут состоять из ферро-, ферримагнитных или суперпарамагнитных материалов. Основное их достоинство — это возможность бесконтактного управления их перемещением в организме с применением внешнего магнитного поля [3].

Английский термин: **nanotube** (*нанотрубка*) — топологическая форма наночастиц в виде полого наностержня.

Впервые возможность образования наночастиц в виде трубок была обнаружена для углерода. В настоящее время подобные структуры получены для нитрида бора, карбида кремния, оксидов переходных металлов и некоторых других соединений. Диаметр нанотрубок варьируется от одного до нескольких десятков нанометров, а длина достигает нескольких микрон [4].

Английский термин: **carbon nanotube** (*нанотрубка углеродная*) — углеродная полая цилиндрическая структура диаметром от десятых до не-

скольких десятков нм и длиной от одного до нескольких сотен микрометров и более, образованная атомами углерода и представляющая собой свернутую в цилиндр графеновую плоскость.

Впервые английский термин: **carbon nanotube** был систематически описан Сумио Ииджимой (Sumio Iijima, корпорация NEC), обнаружившим это явление в 1991 г. как побочный продукт синтеза фуллерена, и, практически одновременно с ним, группой Л. А. Чернотановского. Упоминания о существовании схожих по структуре необычных форм углерода встречались и раньше.

Нанотрубки обладают уникальными электрическими, магнитными, оптическими и механическими свойствами. На основе нанотрубок создаются диоды и полевые транзисторы.

Нанотрубки применяются в новых сверхпрочных и сверхлегких композиционных материалах. Нанотрубки используются в качестве игл в сканирующей туннельной и атомно-силовой микроскопии, а также для создания полупроводниковых гетероструктур. Созданы и опробованы прототипы тонких плоских дисплеев, работающих на матрице из углеродных нанотрубок.

Также разрабатываются технологии применения УНТ в биомедицине и криминалистике. Однако известны работы, свидетельствующие о токсичности нанотрубок для организма [3].

Английский термин **nano-object** (*нанообъект*) — дискретная часть материи или, наоборот, ее локальное отсутствие (пустоты, пора), размер которой хотя бы в одном измерении находится в нанодиапазоне (как правило, 1–100 нм).

К нанообъектам могут быть отнесены как объекты, имеющие четкие пространственные границы и доступные для прямого наблюдения методами электронной и силовой микроскопии (наночастица, нанопластина, нанотрубка, нанопора), так и прочие наноразмерные объекты, размер которых часто определяется косвенными методами (агрегаты, липосомы, мембраны, наноклапы и т.п.) [5].

Английский термин **nanoelectronics** — область науки и техники, связанная с разработкой архитектур и технологий производства функциональных устройств электроники с топологическими размерами элементов, не превышающими 100 нм, а также с изучением физических основ функционирования таких устройств [5].

В современном научном сообществе термины «нанoeлектроника» и «нанoeлектронные технологии» используются в двояком смысле. С одной стороны, под нанoeлектроникой понимают продукт эволюционного развития микроэлектронной транзисторной технологии на основе кремния в сторону дальнейшей миниатюризации и увеличения степени интеграции, что необязательно подразумевает приборную реализацию квантово-размерных эффектов. С другой стороны, под этим термином понимают совокупность электронных приборов, устройств и технологий их производства, основанных, прежде всего, на новых эффектах.

Таким образом, взаимодействие нанотехнологий и лингвистики предполагает решение следующих задач:

— разработка лингвистического обеспечения (специальных словарей в области нанотехнологий);

— разработка автоматизированных систем управления с помощью голоса и речи;

— разработка лингвокогнитивного механизма, обеспечивающего высокую эффективность функционирования нанокomпьютеров.

1. Потапова, Р. К. Речевое управление роботом / Р. К. Потапова. — 2-е изд. доп. — М.: Радио и связь, 1989. — С. 57–59.
2. Этимологический словарь Крылова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 21.03.2012).
3. Энциклопедический словарь нанотехнологий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 17.03.2012).
4. Немлюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. — М.: Флинта; Наука, 2003. — 320 с.

5. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A. S. Hornby. — Oxford University Press, 1995. — 1430 ps.

ТЕРЕНТЬЕВА Галина Петровна, преподаватель кафедры иностранных языков, соискатель по кафедре иностранных языков.
Адрес для переписки: r-t@bk.ru

Статья поступила в редакцию 17.09.2012 г.

© Г. П. Терентьева

УДК 811.111:622.692.4

И. А. ШУЙЦЕВА

Омский государственный
технический университет

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОВ ТРАНСПОРТИРОВКИ И ХРАНЕНИЯ НЕФТИ, НЕФТЕПРОДУКТОВ И ГАЗА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются периоды становления и развития терминов транспортировки и хранения нефти, нефтепродуктов и газа в прямой зависимости от становления и развития транспортировки и хранения энергоносителей как отрасли нефтегазового дела. Даются примеры способов образования простых и сложных терминов, а также моделей терминологических сочетаний.

Ключевые слова: простые и сложные термины транспортировки и хранения нефти, газа и нефтепродуктов, многокомпонентные терминологические сочетания.

Зарождение и развитие любой области знания или промышленности влечет за собой становление и развитие соответствующей терминологии. Терминология транспортировки и хранения нефти, нефтепродуктов и газа не является исключением. В технической и учебной литературе, специализирующейся на нефте-газопроводном транспорте, как правило, выделяют четыре основных периода развития этого вида транспорта. Данная периодизация совпадает с периодами развития терминологии транспортировки и хранения нефти, газа и нефтепродуктов.

I период — дореволюционный (1860–1917 г.)

В 1878 г. построен первый в России нефтепровод под руководством знаменитого инженера В. Г. Шухова, протяженностью 12 км и диаметром 75 мм, предназначен он был для перекачки нефти от Балаханского месторождения на нефтеперерабатывающие заводы Баку. Шуховым были заложены научные основы расчета и проектирования трубопроводов. В этот период были сооружены два крупнейших трубопровода: Баку — Батуми (1896–1906 гг.), протяженностью 833 км, для перекачки керосина и Махачкала — Грозный (1913–1914 гг.), протяженностью 162 для поставки нефти. К концу 1914 года общая протяженность нефте- и продуктопроводов в России составляла 1278,7 км. Для сравнения: в США общая протяженность трубопроводов составляла 14000 км. [1, с. 282]

II период — послереволюционный (1917–1945 г.)

В 1918 г. нефтяная промышленность страны была национализирована. После окончания Гражданской войны в стране провели реконструкцию уже имеющихся трубопроводов, были построены новые магистральные нефтепроводы на Кавказе. В середине 20-х годов из-за загруженности железных дорог в районах Баку, Грозный, Майкоп появилась настоятельная необходимость в строительстве новых нефтепроводов. В 1928 г. введен в эксплуатацию нефтепровод Грозный-Туапсе; в 1930, 1932, 1935 появляются новые нефтепроводы. Протяженность нефтепроводов в тот период была уже около 3600 км.

III период — период до распада СССР (1946–1991 г.)

Послевоенные годы (до начала 50-х годов) отмечены ограниченным строительством нефтепроводов. В 60-е годы 20-го столетия наблюдается устойчивый рост строительства нефте- и продуктопроводов, а так же расширение и модернизация существующих трубопроводов. Связано это с открытием новых месторождений нефти в Западной Сибири и Казахстане, а так же с расширением торговых отношений с восточно-европейскими странами. В 1964 г. был пущен трансевропейский нефтепровод «Дружба». Впоследствии, количество трубопроводов увеличилось. К моменту распада Советского Союза общая протяженность магистральных нефтепроводов составляла более 70 тыс. км.

IV период — современное состояние (1992 — по настоящее время).

Данный период характеризуется значительными изменениями в нефтегазовой промышленности. В первую очередь эти перемены были вызваны разделением единой системы нефтеснабжения после распада Советского Союза. В настоящее время сеть российских нефтепроводов, поставляющих нефть потребителю, как на отечественные нефтезаводы, так и за рубеж, состоит из нефтепроводов таких направлений: северо-западного, западного, восточного, южного, юго-западного, направление «Дружба». Сохраняется существующая тенденция строительства альтернативных маршрутов к потребителям напрямую, минуя страны-транзитёры, выход на новые рынки сбыта путем строительства трубопроводов в КНР и порты Дальнего Востока [1, с. 285].

В первый период, когда происходит становление различных видов транспортировки углеводородов, появляются понятия, которые требуют соответствующей номинации. В 1878 г. в России вводится в строй первый нефтепровод, в это время в терминологию транспортировки нефти входят такие термины, как **conduit, piping, tubing, (oil-) pipeline**, в переводе с английского означающие трубопровод. Заимствуются они, как это часто случается, по мнению С. В. Гринева, из общепотребительной лексики, которая, в свою очередь часто имеет в своей структуре корни латинского или греческого происхождения. Этот период развития терминологии характеризуется в основном простыми терминами.

Под простым термином, по мнению Л. Б. Ткачёвой, понимается однокомпонентный термин, образованный путем аффиксации или переосмысления литературного слова, или индивидуального терминотворчества из элементов классического языка, или заимствованное из другой терминологической сферы.

Последующие периоды развития терминологии транспортировки и хранения углеводородов характеризуются пополнением сложными терминами, а также терминологическими сочетаниями.

Под сложным термином понимается двухкомпонентный термин, характеризующийся цельюоформленностью и образованный путем сложения, или переосмысления общелитературного сложного слова, или заимствования из другой терминологической сферы. Например: **hydrocarbon** — углеводород, образовано из сложения двух основ «carbon» — углерод, и части основы «hydrogen» — углеводород; **gasoil** — дизельное топливо, газойль состоит из двух основ «gas» — газ, и «oil» — нефть.

Под терминологическим сочетанием, согласно Л. Б. Ткачевой, понимается многокомпонентное раздельнооформленное семантически целостное сочетание, образованное путем соединения двух, трех или более элементов [2, с. 27]. Примеры терминологических сочетаний: **tank volume** — вместимость резервуара, объем нефти в резервуаре; **gas vent** — вентиляционный выпуск газа (на резервуарах и аппаратах), сброс газа; **pipeline control valves** — трубопроводная запорная и регулировочная арматура.

Наибольшую трудность для понимания и перевода представляют многокомпонентные термины — терминологические сочетания, созданные лексическим и синтаксическим способом, т.е. представляющие собой словосочетания, образованные по определенным моделям. Способ создания терминов в виде цепочки слов все шире входит в практику.

Это происходит по вполне объяснимым причинам, связанным с той закономерностью, что любой язык обладает ограниченными ресурсами в плане лексических единиц, к тому же научно-технический прогресс ведет к новым открытиям и явлениям, требующим точных определений и наименований.

Лексико-синтаксический способ образования терминов создает серьезную конкуренцию таким традиционным методам, как семантический и морфологический, в научно-технических текстах такие конструкции относятся к числу самых употребляемых. По мнению Л. Б. Ткачёвой, **терминологические словосочетания** представляют собой семантически целостные сочетания двух или больше числа слов, связанных с помощью предлога и беспредложным способом [2, с. 62].

Термины могут быть **устойчивыми и свободными** или же **связанными и свободными**. Согласно классификации Л. Б. Ткачёвой, под связанными терминологическими сочетаниями (ТС) понимаем устойчивое многокомпонентное ТС, в которых невозможна субституция составляющих его элементов без нарушения семантической целостности всего сочетания.

Под свободными терминологическими сочетаниями мы понимаем ТС, внутри которых возможна синонимическая субституция одного или двух составляющих его элемента с сохранением семантической целостности всего сочетания и тождества референта. Например, **bolted connection — pin-and-eye connection** (болтовое соединение); **earth connection — ground connection** (заземление).

Под фразовыми терминологическими сочетаниями понимаем те, в которых синтаксические отношения выражены с помощью предлогов и союзов [3, с. 38].

Как известно, по мнению В. А. Судовцева, обычно терминологические сочетания (ТС) классифицируются по их лексическому составу [3, с. 55].

Существуют несколько основных типовых форм их образования:

1. существительное + существительное (N + N):
tank volume — вместимость резервуара; объем нефти в резервуаре
2. прилагательное + существительное (Adj + N):
marine terminal — портовая база, перевалочная база с водного пути на железнодорожный
3. причастие + существительное (Part I + N):
lowering unit — выносное устройство (одноточечного буя беспричального налива нефти в танкеры)
4. существительное + причастие + существительное (N + Part I + N):
gravity loading terminal — гравитационный грузовой причал (для налива нефти в танкеры)
5. прилагательное + существительное + существительное (Adj + N + N):
flexible hose connection — гибкое соединение, гибкий наливной рукав
6. предложные терминологические сочетания (N + Prep + N):
grade of oil — сорт нефти.

В ходе проведения исследования по данной теме автор пришел к выводу, что одним из самых продуктивных способов терминообразования является способ связных терминологических сочетаний (810 ТС). Среди выделенных моделей образования многокомпонентных ТС самыми распространенными являются модели «существительное + существительное», а также «прилагательное + существительное».

Библиографический список

1. Коршак, А. А. Основы нефтегазового дела : учебник для вузов / А. А. Коршак, А. М. Шаммазов. — Уфа : Дизайн-ПолиграфСервис, 2005. — 528 с.
2. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. — 199 с.
3. Судовцев, В. А. Научно-техническая информация и перевод: Пособие по английскому языку / В. А. Судовцев. — М. : Высшая школа, 1989. — 232 с.

4. Булатов, А. И. Англо-русский словарь по нефти и газу / А. И. Булатов, В. В. Пальчиков. — М. : РУССО, 2002. — 400 с.
5. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. — М. : Русский язык, 1992. — 843 с.

ШУЙЦЕВА Инга Альфредовна, преподаватель кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: ocean-64@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.06.2012 г.
© И. А. Шуйцева

Информация

Гранты 2013/2014 для обучения в магистратуре по германистике — GLITEMA EMMC (Германия, Италия, Португалия)

Интегрированный магистерский курс GLITEMA EMMC (German Literature in the European Middle Ages, Erasmus Mundus Masters Course) учрежден тремя университетами-организаторами (Порто, Бремена и Палермо) при участии университетов — ассоциированных членов (Amsterdam, FU Berlin, Cairo, Greifswald, Olomouc, Ljubljana, Moscow [Lomonosov], North Carolina, Rio de Janeiro, Santiago de Compostela, Vienna, Zurich).

Основной предпосылкой учреждения программы GLITEMA EMMC стало осознание учредителями того факта, что глубокое понимание средневековой культуры невозможно без анализа ее в рамках широкого европейского контекста. Традиционный «национальный филологический подход» в изучении средневековой германистики не позволяет студентам понять ту степень общности происхождения, которую имеют современные национальные европейские культуры. В программе сделан акцент на изучении пред-национальной природы средневековой германистики и анализе ее в европейском контексте. Именно поэтому для программы особенно ценно участие студентов и преподавателей из различных стран Европы.

Поскольку большая часть курса преподается на немецком языке, необходимы начальные знания языка на уровне С.1 для участников программы в Бременском университете и В.2 для университетов Палермо и Порто.

Из числа кандидатов предполагается отобрать до тридцати участников программы.

Заявления на стипендию от Евросоюза в размере 24.000 Евро для обучения в магистратуре по программе GLITEMA на 2013/2014 учебный год принимаются до 31 декабря 2012 года.

Подробная информация о программе на сайте <http://glitema.up.pt>

Сайты университетов - организаторов программы:

- Университет Порто http://sigarra.up.pt/up/pt/web_page.inicial
- Университет Бремена <http://www.uni-bremen.de/>
- Университет Палермо <http://portale.unipa.it/>

Магистерские программы Эразмус Мундус http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/results_compendia/selected_projects_action_1_master_courses_en.php

Перевод сообщения выполнен сотрудниками ИК «НТ-ИНФОРМ» (www.rsci.ru).

При использовании перевода обязательна гиперссылка на данную публикацию в RSCI.ru.

Адрес публикации в Интернет http://www.rsci.ru/grants/grant_news/258/233261.php

Источник: http://www.rsci.ru/grants/grant_news/258/233261.php (дата обращения: 30.11.2012)